

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

ДЕВУШКА В ТУМАНЕ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ! Новая книга от автора остросюжетного романа «**Потерянные девушки Рима**».

В октябре
2017 года
в международный
прокат
вышел фильм
**«ДЕВУШКА
В ТУМАНЕ»**

В главных ролях — **Жан Рено, Тони Сервилло, Алессіо Бони, Грета Скакки** и другие.
Режиссерское кресло занимает сам **Донатто Карризи**.

Донатто Карризи
Девушка в тумане

Donato Carrisi
LA RAGAZZA NELLA NEBBIA
Copyright © Longanesi & C., 2015 – Milano
All rights reserved

© О. Егорова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Антонио,
моему сыну, который для меня – всё*

23 февраля

Шестьдесят два дня после исчезновения

Ночь, когда все навсегда изменилось, началась с телефонного звонка.

Телефон зазвонил в двадцать два двадцать. Был вечер понедельника, на улице стоял мороз минус восемь, и все тонуло в ледяном тумане. В этот час Флорес лежал в теплой постели под боком у жены и с удовольствием смотрел по телевизору черно-белый фильм про гангстеров. София уже давно заснула, и телефонные звонки ее не тревожили. Она даже не заметила, что муж встал и начал одеваться.

Флорес натянул теплые стеганые брюки, водолазку и плотную зимнюю куртку, чтобы уберечься от проклятого тумана, который стер все очертания, и поспешил в скромную больницу Авешота, где сорок лет из своих шестидесяти двух проработал психиатром. За все время редко случалось, чтобы кто-то поднимал его с постели по срочному вызову, и уж тем более полиция. В маленьком городке в Альпах, где он родился и прожил всю жизнь, после заката, как правило, ничего особенного не случалось. Казалось, в этих краях даже криминальные элементы придерживались размеренного ритма жизни, который диктовал им, что по вечерам положено сидеть дома. И Флорес ломал себе голову, кому он понадобился в столь необычное время.

Единственная информация, которую ему сообщили по телефону, касалась задержания какого-то человека в связи с ДТП. И больше ничего.

Ближе к вечеру снег прекратился, но стало гораздо холоднее. Флорес вышел из дому, и его со всех сторон окружила какая-то неестественная тишина. Все вокруг застыло в неподвижности.

Казалось, даже время остановилось. По телу пробежала дрожь, ничего общего не имевшая с уличным холодом: она шла изнутри. Он завел старенький «ситроен» и подождал, пока не разогреется дизель и можно будет тронуться с места. Звук мотора был ему просто необходим, чтобы разорвать эту давящую тишину.

Асфальт покрылся ледяной коркой, но не по этой причине Флорес двигался не быстрее двадцати километров в час, крепко вцепившись в руль и наклонившись вперед почти к самому ветровому стеклу, чтобы хоть как-то различать контуры проезжей части. Виной всему был туман. По счастью, он настолько хорошо знал эту дорогу, что мозг опережал глаза, подсказывая, куда ехать.

Поднявшись вверх до перекрестка, он поехал по направлению к центру и только тогда начал что-то различать в сплошном «молоке». У него возникло ощущение, что все перед ним как-то замедлилось, как во сне. Вдалеке из белой мглы показались мигающие огни. Казалось, они движутся ему навстречу, но на самом деле это он к ним подъезжал. Из тумана возникла фигура человека. Подъехав еще ближе, Флорес понял, что это полицейский, которого выставили на дороге, чтобы он предупреждал проезжающие машины ехать осторожно. Психиатр проехал мимо него, и они обменялись беглыми приветствиями. За спиной полицейского обозначилась патрульная машина, мигающая сигнальными огнями, а из кювета светили задние габариты лежащего там темного лимузина.

Вскоре Флорес въехал в пустынный центр городка.

Уличные фонари, как миражи, выплывали из мглы. Он добрался до окраины и оказался у цели. Маленькая больница пребывала в состоянии какого-то странного брожения. Едва Флорес переступил порог, ему навстречу шагнули лейтенант местной полиции и Ребекка Майер, прокурор, – в последнее время эта молодая женщина заставила высоко себя оценить. Она выглядела озабоченной. Пока Флорес снимал куртку, она информировала его о нежданном ночном госте, произнеся только:

– Фогель.

Услышав это имя, Флорес понял, почему подняли такую тревогу. Настала ночь, которая изменит все и навсегда, но он пока еще этого не знал. Потому и не мог взять в толк, какова его роль в этом деле.

– Что в точности от меня требуется? – спросил он.

– Врачи неотложной помощи говорят, что он в порядке. Но, похоже, он находится в состоянии спутанного сознания. Возможно, это расстройство психики из-за шока от аварии.

– Но вы в этом не уверены, так? – Флорес попал в точку, но Майер не ответила. – Он в состоянии кататонии?

– Нет, он на все реагирует после стимуляции. Но у него резкие перепады настроения.

– И он не помнит, что произошло, – сказал Флорес, завершая анамнез.

– Саму аварию он помнит. Но нас интересует, что именно ей предшествовало. Нам обязательно надо знать, что случилось в этот вечер.

– Значит, по-вашему, он притворяется, – заключил психиатр.

– Боюсь, что да. И здесь в игру должны войти вы, доктор.

– Чего вы от меня ждете, госпожа прокурор?

– У нас нет достаточных оснований, чтобы предъявить ему обвинение, и он это знает. Вы должны сказать мне, в состоянии ли он что-либо понимать и действовать осознанно.

– А если да, что его ожидает?

– Я смогу предъявить ему обвинение и допросить его официально, не опасаясь, что потом какой-нибудь адвокат выразит протест, пользуясь глупой придиркой.

– Но... Вы же сами мне сказали, что авария обошлась без жертв. О каком обвинении тогда идет речь, простите?

Майер ответила, выдержав паузу:

– Вы это поймете, когда его увидите.

Его поместили в амбулаторию. Открыв дверь, Флорес увидел человека, сидящего на одном из маленьких кресел перед столом,

заваленным бумагами. На нем было темное кашемировое пальто, сидел он сгорбившись и, казалось, даже не заметил, что кто-то вошел.

Флорес повесил куртку на вешалку и потер заочеченные руки.

– Добрый вечер, – сказал он, подходя к калориферу удостовериться, что тот включен.

На самом деле это был всего лишь предлог, чтобы занять позицию напротив человека и точно определить его состояние, а прежде всего – понять, что же имела в виду Майер.

Под пальто на Фогеле был вполне элегантный темный костюм с дымчато-голубым галстуком с растительным орнаментом, из кармана пиджака выглядывал желтый платок, манжеты белой рубашки украшали золотые овальные запонки. Единственно, что костюм был помят, словно его носили, не снимая, целую неделю.

Не отвечая на приветствие, Фогель на миг поднял на врача глаза. А потом снова уставился на сложенные на животе руки.

Психиатр спросил себя, что за странный вираж судьбы вновь усадил их друг напротив друга.

– И давно вы здесь? – начал он.

– А вы?

Его визави сохранял серьезность, а Флорес рассмеялся удачной шутке.

– Да без малого сорок лет, – ответил он.

Со временем амбулатория разжилась мебелью и всякими причиндалами и теперь выглядела тесной. Психиатр отдавал себе отчет, что постороннему взгляду вся эта мешанина может показаться несуразной.

– Видите вон тот старый диван? Он достался мне в наследство от предшественника, а вот стол я выбирал сам.

На столе стояли фотографии родных Флореса в рамках.

Фогель взял одну из них и теперь разглядывал, держа в руках. На ней Флорес и все его многочисленное семейство были сняты летом в саду за барбекю.

– Прекрасная семья, – бегло заметил Фогель.

– Трое сыновей и одиннадцать внуков.

Флорес очень любил эту фотографию.

Фогель поставил фото на место и принялся оглядываться вокруг. На стенах, кроме диплома, похвальных и благодарственных грамот и рисунков, подаренных внуками, красовались трофеи, которыми Флорес особенно гордился.

Он занимался спортивной рыбалкой, и на стенах образовалась целая выставка чучел особенно интересных рыб.

– Когда есть возможность, я все бросаю и отправляюсь на какое-нибудь озеро или на горную речку, – сказал Флорес, – и таким образом вхожу в согласие с мирозданием.

В углу стоял шкаф, где разместились удочки, крючки, блесны, лески и все, что необходимо для рыбалки. Со временем комната совсем перестала походить на амбулаторию. Это была его нора, его личное пространство, и ему становилось грустно при мысли о том, что через несколько месяцев он выйдет на пенсию и придется очистить территорию и вывезти все свои вещи.

Эти стены могли бы поведать столько историй, а теперь к ним присоединится еще и история о нежданном визите поздним вечером.

– Все еще не могу поверить, что вы здесь, – слегка смущенно заметил психиатр. – Мы с женой столько раз видели вас по телевизору. Вы ведь знаменитость.

Его собеседник вяло кивнул. Либо он действительно впал в состояние спутанного сознания, либо был превосходным актером.

– Вы уверены, что чувствуете себя хорошо?

– Я в порядке, – подтвердил Фогель еле слышно.

Флорес отошел от калорифера и уселся за стол в кресло, которое за все эти годы приобрело форму его тела.

– Знаете что, а вы ведь везунчик. Я только что проезжал мимо места аварии: слава богу, что она произошла с правильной стороны дороги. Кювет, конечно, глубокий, но с другой-то стороны обрыв.

– Туман, – заметил гость.

– Да уж... – согласился Флорес. – Такой морозный туман увидишь нечасто. Я добирался минут двадцать, хотя обычно хватает десяти.

Он положил руки на подлокотники кресла и откинулся на спинку.

– Мы ведь еще не представились друг другу. Я доктор Августе Флорес. Скажите, а мне как вас называть? Спецагент^[1] или господин Фогель?

Тот на секунду задумался.

– Решайте сами.

– Я полагаю, что полицейский не теряет званий и регалий, даже когда перестает заниматься своим ремеслом. А потому для меня вы остаетесь спецагентом Фогелем.

– Ну, если вы так предпочитаете...

В мозгу Флореса теснились десятки вопросов, но он знал, что надо выбрать те единственно правильные, с которых можно начать.

– Сказать по правде, я не ожидал еще раз увидеть вас в наших краях. Я думал, что после всего, что произошло, вы спустились вниз, в город. Почему вы вернулись?

Спецагент Фогель медленно провел руками по брюкам, словно отряхивая несуществующую пыль.

– Не знаю...

Больше он ничего не прибавил, и Флорес ограничился кивком.

– Понимаю. Вы приехали один?

– Да, – ответил Фогель, и по его тону можно было догадаться, что ему непонятен смысл вопроса. – Да, я один.

– Может быть, ваш приезд как-то связан с историей пропавшей девочки? – попытался расшевелить его Флорес. – Хотя, насколько я помню, у вас больше нет полномочий в этом деле.

Эти слова, видимо, что-то пробудили в его собеседнике, и он резким движением выпрямился в кресле. Флоресу это показалось проявлением оскорбленной гордости.

– Можно узнать, на каком основании меня задержали? – сухо бросил Фогель. – Что от меня нужно полиции? Почему я не могу

уехать?

Флорес постарался призвать на помощь все свое легендарное терпение, уже вошедшее в поговорку.

– Спецагент Фогель, нынче вечером вы попали в аварию.

– Я тоже это знаю, – сердито отозвался тот.

– И вы ехали один? Это точно?

– Я только что вам сказал.

Флорес выдвинул один из ящиков стола, достал маленькое зеркало и поставил его перед Фогелем, который, похоже, не обратил на это никакого внимания.

– И никаких последствий. Вы не пострадали.

– Сколько раз вам можно повторять, что я прекрасно себя чувствую?

Психиатр подался к нему всем телом:

– Тогда объясните, пожалуйста, одну вещь... Если вы целы и невредимы, то кому принадлежит кровь на вашей одежде?

Фогель вдруг не нашелся что ответить. Весь его гнев тут же испарился, а глаза заглянули в зеркало, которое поставил перед ним Флорес.

И только теперь он их увидел.

Маленькие капельки крови на манжетах белой рубашки. Два пятна побольше на животе. И еще несколько пятен потемнее, которые сливались по цвету с костюмом и пальто, но были более густой консистенции, и их окружали более светлые разводы. Спецагент словно увидел их впервые, хотя в глубине души отдавал себе отчет в их существовании, Флорес это понял сразу. Фогель не выказал удивления и не принялся утверждать, что не знает, откуда они взялись.

В его глазах появился какой-то новый свет, и спутанное состояние сознания стало рассеиваться, как рассеивается туман. А густой белый туман за окном оставался все тем же.

Ночь, изменившая все и навсегда, потихоньку начиналась. Фогель абсолютно ясным взглядом посмотрел Флоресу прямо в глаза.

– Вы правы, – сказал он. – Думаю, следует дать объяснение.

25 декабря

Два дня после исчезновения

Еловый лес решительно устремлялся вниз с горных склонов, словно деревья получили приказ срочно занять долину. Долина была длинная и узкая, как старый шрам, а в середине текла река с ярко-зеленой водой, менявшей цвет от нежно-зеленого до ядовито-болотного.

Авешот, альпийское местечко в нескольких километрах от границы, располагался как раз в центре этой декорации. Дома с покатыми крышами, церковь с колокольней, муниципалитет, полицейское отделение, маленькая больница. Школьный комплекс, несколько баров и каток.

Леса, горная долина, река, поселок. И чудовищного вида здание горнопромышленного управления, чужеродное пятно, никак не вяжущееся ни с прошлым этих мест, ни с их природой.

Неподалеку от центра, у шоссе, располагался небольшой ресторанчик.

Из его окон были видны дорога и бензоколонка, а неподалеку ярко светилась надпись: *«Счастливых праздников!»* – предназначенная для проезжавших мимо автомобилей. На той стороне вывески, что была обращена к поселку, буквы шли в обратном направлении, и в результате получались какие-то загадочные иероглифы.

В ресторане было три десятка столиков из голубого пластика, некоторые стояли в сторонке у стены. Все были готовы и сервированы, но занят всего один, в центре.

За этим столиком в одиночестве поглощал завтрак спецагент Фогель. Завтрак состоял из яиц и копченого куриного филе. На Фогеле был темно-серый костюм с мутно-зеленым жилетом и темно-синим галстуком. Кашемировое пальто он не снял, даже садясь за

стол. Он сидел, выпрямившись и устремив глаза в черную записную книжку, куда вносил какие-то заметки изящной серебряной авторучкой. Время от времени он клал ручку на стол, чтобы взять вилку и отправить в рот очередной кусок. Каждое его движение было тщательно выверено, сообразуясь с каким-то внутренним ритмом.

Хозяин ресторана, старик в засаленном фартуке и красной клетчатой рубашке с закатанными до локтя рукавами, выбрался из-за стойки, чтобы принести свежесваренный кофе.

– Ну, вы подумайте только, я ведь сегодня вообще не собирался открываться. Мне говорили: «Ну кто поедет сюда в утро Рождества?» А ведь еще несколько лет назад здесь было полно туристов, семей с ребятишками... А как нашли это светящееся дерьмо, все сразу переменялось.

Он произнес эту фразу так, словно оплакивал далекие счастливые времена, которые никогда уже не вернутся.

До последних лет жизнь в Авешоте шла спокойно и безмятежно. Жители пробавлялись мелкими ремеслами и туризмом. Но в один прекрасный день здесь появился какой-то чужак и заявил, что в недрах гор может скрываться месторождение флюорита – плавикового шпата.

«А ведь верно, старик прав, – подумал Фогель, – с той поры все переменялось». Пришла международная компания и скупила все концессии в районе месторождения, щедро заплатив владельцам. Многие за одну ночь стали богачами. А те, кому не повезло владеть земельными участками в этих местах, обеднели, поскольку сюда перестали приезжать туристы.

– Может, и мне надо было решиться продать заведение и уехать, – продолжил старик, качая головой и наливая Фогелю кофе, хотя тот его и не заказывал.

Когда я увидел, как вы входите, я сперва решил, что вы один из тех торговцев, что то и дело пытаются всучить свой грошовый товар... А потом я понял. Вы ведь здесь из-за той девочки, верно?

И он мотнул головой в сторону листка, приклеенного к стене рядом со входом. Там, улыбаясь, с фотографии глядела рыженькая девочка с веснушками. И имя: Анна Лу, а под ним надпись: «Может, ты меня видел?» – номер телефона и несколько строчек текста.

Фогель заметил, что старик норовит заглянуть в его черную записную книжку, и прикрыл ее рукой. Положив вилку на тарелку, он спросил:

– Вы ее знаете?

– Я знаю всю семью. Замечательные люди.

Старик вытащил из-под столика стул и уселся напротив Фогеля:

– Как вы думаете, что с ней стряслось?

Фогель оперся подбородком на сложенные руки. Сколько же раз ему задавали этот вопрос... Один и тот же вопрос. Такие вопросы задают, изо всех сил стараясь проявить сочувствие, но в конечном итоге за ними стоит всего лишь любопытство. Болезненное, мохнатое, безжалостное любопытство.

– Двадцать четыре, – сказал он.

Хозяин ресторана явно не понял ответа, но Фогель пресек попытку попросить разъяснений:

– В среднем сбежавшие из дома подростки выдерживают с выключенными мобильниками двадцать четыре часа. Потом они, хочешь не хочешь, вынуждены позвонить друзьям и поинтересоваться, говорят ли про них в Интернете, и таким образом себя обнаруживают. Большинство возвращаются домой примерно через сорок восемь часов. Если не происходит никаких опасных встреч или событий, то можно утверждать, что к концу второго дня после исчезновения есть реальная вероятность, что все кончится благополучно.

Хозяин ресторана на миг смутился:

– А что происходит потом?

– А потом обычно вызывают меня.

Спецагент встал, порылся в кармане и положил на стол банкноту в двадцать евро, плату за завтрак. Потом направился к выходу, но у

порога остановился и обернулся к старику:

– Послушайте меня: не продавайте ресторан. Скоро здесь снова будет полно народу.

На улице стоял холод, но небо было чистое, и светило яркое зимнее солнце. По шоссе то и дело проносились грузовики, и полы пальто Фогеля шевелило ветром. Спецагент неподвижно стоял на площадке перед рестораном у бензоколонки, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то вверх.

Тут у него за спиной появился голубоглазый парень лет тридцати, тоже в костюме, при галстукe и в пальто, только не в кашемировом. Его светлые волосы были разделены пробором.

– Здравствуйте, – сказал он, но его приветствие осталось без ответа. – Я агент Борги, – продолжал парень, – мне велели вас встретить.

Фогель не удостоил его вниманием, по-прежнему глядя в небо.

– Брифинг начнется через полчаса. Как вы и хотели, все в сборе.

Борги подался вперед и понял, что старший по званию рассматривает что-то над площадкой возле счетчика бензоколонки. Там виднелась камера слежения, направленная на шоссе.

Фогель наконец-то повернулся к парню:

– Это единственная дорога в долину?

Борги ответил почти сразу:

– Да, синьор Фогель. По-другому в долину ни въехать, ни выехать: шоссе пересекает ее из конца в конец.

– Прекрасно, – сказал Фогель. – Тогда отвезите меня на тот конец.

Спецагент быстрым шагом направился к темному автомобилю, на котором приехал Борги. Тот, секунду поколебавшись, пошел за ним.

Несколько минут спустя они уже въезжали на мост, который, изогнувшись над рекой, вел в долину. Молодой полицейский дожидался на обочине у машины, а Фогель, встав посреди шоссе, снова занялся изучением камеры слежения. На этот раз она была закреплена на шесте сбоку от дорожного полотна. Проезжающие

мимо машины возмущенно гудели, но Фогель, не отвлекаясь, бесстрашно делал свое дело. Как бы то ни было, для Борги такой поворот событий был не только непонятен, но и представлял собой некоторый парадокс.

Вдоволь насмотревшись на камеру, спецагент вернулся к автомобилю.

– Давайте заедем к родителям девочки, – сказал он и, не дожидаясь ответа, залез в машину.

Борги посмотрел на часы и покорно сел за руль.

– С Анной Лу у нас не было проблем, – уверенно заявила Мария Кастнер, мать девочки.

От этой маленькой хрупкой женщины исходила недюжинная сила. Когда полицейские зашли в двухэтажный дом, где обитала семья девочки, Мария Кастнер сидела на диване рядом с мужем. Оба были еще в пижамах и в домашних халатах и держались за руки.

В доме стоял сладковатый запах готовящейся на кухне еды и дезодоранта для помещений, а Фогель этого запаха не выносил. Спецагент уселся в кресло, Борги устроился в сторонке на стуле.

От супружеской пары их отделял столик с двумя чашками кофе, к которым никто так и не притронулся, и они быстро остывали.

В комнате стояла украшенная елка, а под ней двое близнецов лет семи играли с только что распечатанными подарками.

Один пакет с красивым красным бантом остался лежать под елкой.

Женщина на миг перехватила взгляд Фогеля.

– Мы хотели, чтобы дети все-таки отпраздновали Рождество. К тому же это их немного отвлекло от создавшейся ситуации, – словно оправдываясь, произнесла она.

«Ситуация» заключалась в том, что их старшая дочь, шестнадцати лет, пропала уже почти два дня назад. Она вышла из дому около пяти вечера, чтобы не опоздать на встречу в церкви, что находилась в трехстах метрах от дома.

В церкви она так и не появилась.

Анна Лу прошла через жилой квартал с одинаковыми домами – небольшими виллами на одну семью, окруженными садиками, – где все друг друга знали.

Но никто ничего не видел и не слышал.

Тревогу подняли около семи вечера, когда она не вернулась домой. Мать несколько раз пыталась до нее дозвониться, но мобильник девочки оказался выключен. За эти два долгих часа с ней могло случиться все, что угодно. Ее искали весь вечер, но потом здравый смысл подсказал, что надо подождать до утра и продолжить поиски, когда рассветет. К тому же полиция не располагала ресурсами для тщательного осмотра территории.

Относительно причины исчезновения пока не было ни одной гипотезы.

Фогель молча разглядывал родителей девочки, у которых от ночей, проведенных без сна, запали глаза. Пройдет еще несколько недель, и бессонница и нервное истощение их быстро состарят, но сейчас для них все только начиналось.

– Наша девочка всегда была ответственным ребенком, с самого детства, – говорила мать. – Ну, как бы это сказать... Нам никогда не приходилось ею заниматься, она выросла сама по себе. Она помогает по дому, возится с братьями. Учителя в школе ею довольны. Недавно ей поручили в общине обучать детей катехизису.

Жилище Кастнеров выглядело очень скромно. Войдя, Фогель сразу заметил, что здесь много предметов, свидетельствующих о глубокой вере. По стенам развешены изображения святых и сцены из Библии и Евангелия, и повсюду – в картинах, в пластиковых и гипсовых статуэтках – царил Иисус, однако изображений Девы Марии тоже хватало. Словом, дом представлял собой настоящий католический калейдоскоп, а над телевизором висело распятие.

На стенах попадались и семейные фото, и со многих смотрела рыжеволосая девочка с веснушками. Анна Лу была точной копией отца.

На всех фотографиях она улыбалась. В день первого причастия, в горах с братьями, на катке с коньками через плечо, с гордостью подняв вверх медаль за победу в соревнованиях.

Фогель знал, что и эта комната, и эти стены, да и весь дом уже не будут прежними. Они наполнены воспоминаниями, которые очень быстро начнут причинять боль.

– Пока наша девочка не вернется домой, мы не станем разбирать елку, – сказала Мария Кастнер почти с гордостью. – Она будет зажжена, чтобы ее хорошо было видно из окна.

Фогель подумал об абсурдности этой затеи. Пройдут месяцы, а рождественская елка все будет указывать путь домой той, которая, быть может, никогда уже не вернется. Риск именно такого поворота событий был очень велик, вот только родители Анны Лу пока не отдавали себе в этом отчета. И праздничный свет елочных гирлянд станет знаком, напоминающим всем о том, какая драма разыгралась в этом доме. И родственники, и просто прохожие уже не смогут не обращать внимания на елку. Более того, со временем она начнет всех раздражать. Проходя мимо дома Кастнеров, все будут переходить на другую сторону, чтобы не видеть этого света. Елка только отдалит Кастнеров от соседей, и они станут еще более одинокими. Ибо, чтобы жить дальше и идти своей дорогой по жизни, надо платить пошлину: научиться отстраняться, стать безучастными, припомнилось Фогелю.

– Говорят, в шестнадцать лет случается, что дети бунтуют и совершают немыслимые поступки, и это считается нормальным, – снова заговорила Мария и покачала головой, – но все это не относится к моей девочке.

Фогель кивнул. Не имея тому никаких доказательств, он был с ней согласен. Он не просто проникся мыслями и чувствами матери, которая, прежде всего, хотела утвердиться в материнской роли и клялась в душевной чистоте и неподкупности своей дочери. Спецагент действительно был уверен, что она абсолютно права. Эту уверенность вселяло девичье личико, с улыбкой глядевшее на него

со стен. Было в этом лице что-то по-детски простое и искреннее, и сама собой приходила мысль, что девочка явно исчезла не по своей воле. Скорее всего, к ней применили силу.

– Мы с ней были близки, она очень похожа на меня. Вот это она сделала специально для меня и подарила мне неделю тому назад.

Мария протянула полицейскому руку, на которой красовался браслет из разноцветных бусинок.

– В последнее время она очень этим увлеклась и дарила браслеты всем, кого любила.

Фогель отметил, что она рассказывает о мелких и, в сущности, бесполезных для следствия деталях и ни ее голос, ни взгляд не выдают ни малейшего волнения. И он понял, что за этим стоит. Женщина была убеждена, что им всем ниспослано испытание, чтобы они проявили крепость и цельность своей веры. В душе она принимала все случившееся, даже восставая против его несправедливости, в надежде на то, что кто-то там, наверху, пусть хоть сам Господь Бог, быстро найдет выход.

– Анна Лу мне доверяла, хотя мать вовсе не должна знать о ребенке абсолютно все. Вчера вечером, прибирая ее комнату, я нашла вот это...

Она на несколько мгновений оторвалась от руки мужа и протянула Фогелю дневник в яркой обложке, который держала рядом с собой.

Спецагент перегнулся через столик и взял дневник. С обложки смотрели два пушистых котенка. Он принялся его рассеянно перелистывать.

– Там нет ничего, что могло бы предвещать беду, – сказала Мария.

Фогель закрыл дневник и вытащил из кармана пальто ручку и записную книжку в черном переплете.

– Я полагаю, вы были в курсе того, где бывает ваша дочь?

– Разумеется, – ответила Мария Кастнер с ноткой негодования в голосе.

– А в последнее время у Анны Лу не появилось никаких новых знакомых, друзей или подруг?

– Нет.

– Вы абсолютно уверены?

– Уверена. Она бы мне рассказала.

Она только что допускала, что мать не должна всего знать о своих детях, а теперь будто бы кичилась уверенностью, что дочь ей полностью доверяет.

«Это типично для родителей пропавших детей, – вспомнил Фогель. – Они искренне хотят помочь и умеют отчасти взять на себя ответственность хотя бы за недостаточное внимание к собственным детям. Но когда их действительно что-то пугает, срабатывает защитный рефлекс, и они начинают отрицать очевидные вещи. Вот и Мария Кастнер уже начала обороняться».

Однако спецагенту обо всем надо было знать как можно больше.

– Вы не замечали в последнее время в поведении дочери чего-нибудь необычного?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, ведь вы же знаете детей, правда? По самым незначительным признакам в их поведении можно догадаться о многом. Как она спала? С аппетитом ли ела? Не было ли у нее резкой смены настроения? Не стала ли она замкнутой, вспыльчивой? Словом, не появилось ли в ее поведении что-нибудь необычное?

– Она была обычной Анной Лу. Я знаю свою дочь, агент Фогель, и способна понять, когда с ней что-то не так.

Фогель выяснил, что у девочки был мобильник, но старой модели, не смартфон.

– Ваша дочь пользовалась Интернетом?

Родители переглянулись.

– Наше братство не советует пользоваться гаджетами. Интернет полон ловушек и искушений, агент Фогель. И всяческих сведений, которые могут помешать воспитанию доброго христианина, – сказала Мария. – Но мы нашей дочери ничего не запрещали, выбор был за ней.

«Ясное дело, не разрешали, – подумал Фогель. – Однако в одном она права. Из Всемирной сети часто исходит опасность. Восприимчивые подростки, такие как Анна Лу, обычно очень внушаемы. А в Интернете много охотников, которые, ловко манипулируя неокрепшими душами, могут внушить им что угодно. Постепенно разрушая все степени защиты и подрывая отношения доверия, они умудряются заменить подросткам самых близких людей и управлять ими на расстоянии, навязывая им свои поведенческие сценарии. В этом смысле Анна Лу Кастнер была прекрасной добычей. Возможно, она подчинялась воле родителей и не пользовалась Интернетом дома, но выходила в Сеть в школе или в библиотеке. Надо будет проверить и там и там». Но сейчас перед Фогелем стояла задача выяснить другие детали.

– Вы входите в число тех счастливчиков, кому повезло продать свои концессии горнодобывающей компании, это так?

Вопрос был адресован Бруно Кастнеру, но в разговор снова вступила его жена:

– Мой отец оставил нам земельный участок к северу от поселка. Но кто мог подумать, что теперь он будет стоить так дорого... Часть денег мы передали братству и смогли выплатить ипотеку за этот дом. Остальное оставили для детей.

«Должно быть, сумма оказалась немалой, – подумал Фогель. – Возможно, она обеспечит безбедное существование многим будущим поколениям Кастнеров. Они могли бы позволить себе роскошь и прикупить дом побольше и покрасивее, но решили не менять привычного уклада жизни». Спецагент не мог представить себе, как можно отказаться от неожиданно свалившегося благополучия. Однако принял это к сведению и, по-прежнему склонившись над записной книжкой, спросил:

– У вас кто-нибудь требовал денег? Я должен исключить версию вымогательства. Вам кто-нибудь угрожал? Возможно, у кого-то был мотив для зависти или злобы по отношению к вам?

Кастнеров этот вопрос, казалось, удивил.

– Нет, – сразу ответила Мария. – Мы общаемся только с членами нашего братства.

Фогель отметил для себя подтекст последней фразы: Кастнеры наивно убеждены, что в братстве нет почвы для конфликтов. Однако спецагент был уверен, что причина кроется именно здесь. Прежде чем явиться к ним в дом, он навел о них справки и узнал очень многое об их жизни.

Общественное мнение обычно зиждется на видимости, на чисто внешних проявлениях. А потому, когда происходит нечто из ряда вон выходящее – к примеру, исчезает обычная, прекрасно воспитанная девочка из благополучной семьи, – все склонны думать, что зло явилось извне. Но такие опытные полицейские, как Фогель, обычно не спешат с выводами о внешней опасности, поскольку в огромном количестве случаев причина оказывается банальной и жестокой и кроется она в стенах дома. Ему приходилось иметь дело с отцами, которые насильовали дочерей, и с матерями, которые, вместо того чтобы вступить за девочек, начинали видеть в них опасных соперниц. А потом бывает, что родители приходят к выводу, что ради собственного спокойствия и сохранения брака лучше будет избавиться от плоти своей. В его практике был такой случай. Мать, обнаружив, что муж посягнул на дочь, сначала покрывала его, а потом, чтобы избежать позора, своими руками убила девочку. В общем, образцы жестокости отличались причудливым разнообразием.

Кастнеры производили впечатление вполне нормальных людей.

Он занимался грузоперевозками и, несмотря на неожиданно свалившееся богатство, продолжал надрываться на работе. Она была скромной домохозяйкой и всю себя посвящала дому и детям. К тому же оба культивировали горячую и убежденную веру.

Однако не стоило ставить на этом точку.

Фогель сделал вид, что удовлетворен:

– Ну, кажется, пока все.

Затем он поднялся с кресла, и вслед за ним с готовностью вскочил Борги, который все время сидел молча.

– Спасибо за кофе и вообще, – сказал спецагент, помахав дневником Анны Лу. – Надеюсь, что дневник нам очень поможет.

Кастнеры проводили обоих полицейских до дверей. Фогель еще раз бросил взгляд на мальчиков, безмятежно игравших возле рождественской елки. Кто знает, какое воспоминание сохранят они об этом событии, когда повзрослеют. Может, их вовремя оградили от ужаса ситуации. Но пакет с красной ленточкой, предназначенный для Анны Лу, говорил, что им всегда что-то будет напоминать о трагедии, произошедшей в семье. Потому что нет ничего хуже подарка, который так и не дошел до адресата. Счастье, заключенное в нем, будет медленно разлагаться, заражая все вокруг.

В этот момент спецагент понял, что лимит молчания исчерпан, а потому повернулся к Борги:

– Подождите меня в машине, ладно?

– Хорошо, – отозвался прилежный полицейский.

Оставшись с Кастнерами, Фогель заговорил совсем другим тоном, очень заботливым, словно эта история действительно тревожила его сердце:

– Хочу быть с вами откровенным. Журналисты уже пронюхали о том, что произошло, и скоро набегут толпой... Порой им даже лучше, чем полиции, удастся докопаться до каких-то деталей, и далеко не всегда то, что появляется на экранах телевизоров, имеет отношение к расследованию. Не зная, где искать, представители прессы ринутся к вам. А потому, если вам есть что сказать, ну хотя бы что-то, сейчас самое время...

Наступило молчание, которое Фогель постарался растянуть дольше чем положено. Дело сделано, договор заключен. Его совет содержал в себе предупреждение: «Я знаю, что у вас есть секреты, они есть у всех. Но ваши секреты отныне принадлежат мне».

– Хорошо, – произнес он наконец, чтобы не смутить их еще больше. – Я видел, что вы велели расклеить копии фотографии

вашей дочери. Идея хорошая, но этого мало. До настоящего времени происшествием занимались местные средства массовой информации, но теперь пришло время для следующего шага. Например, было бы неплохо сделать публичное заявление. Улавливаете?

Супруги молча переглянулись. Потом мать Анны Лу шагнула вперед, сняла браслет, подаренный дочерью, и надела его Фогелю на левое запястье, словно передавая ему священные полномочия.

– Мы сделаем все необходимое, чтобы вам помочь, агент Фогель. Только верните нашу девочку.

Сидя в ожидании шефа в полицейской машине, Борги разговаривал по мобильнику.

– Не знаю, сколько еще потребуется, это он меня попросил, – объяснял он агентам, уже больше часа дожидавшимся начала намеченного брифинга. – У меня тоже семья. Успокой их и скажи, что никто не пропустит рождественский обед.

На самом деле он опасался, что погорячился, дав такое обещание, поскольку не знал, что у Фогеля на уме. Ясно было только, что дело срочное, а потому нынче утром он ограничился ролью водителя.

Накануне вечером его непосредственный начальник сообщил, что на следующее утро ему следует приехать в Авешот, чтобы подключить спецагента Фогеля к расследованию дела о пропаже девочки. Он передал Борги тоненькую папку с досье и дал весьма странные указания: в восемь тридцать явиться в темном костюме, при пиджаке и галстуке, к ресторану на въезде в альпийский городок.

Борги был наслышан о Фогеле и его эксцентричных выходках. О нем и его расследованиях часто говорили с телеэкрана, спецагента приглашали в различные телешоу. Газеты и тележурналы оспаривали друг у друга возможность взять у него интервью. Фогель вольготно чувствовал себя перед телекамерой, как опытный актер, всегда готовый к импровизации и уверенный в успехе.

К тому же в полицейской среде о нем ходили слухи как о педанте, который признает только взаимоотношения контроля и стремится только к тому, чтобы хорошо выглядеть в кадре. Он настолько эгоцентричен, что подавляет и затеняет всех окружающих.

В последнее время несколько его расследований пошли по ложному пути. Особенно долго не сходил у всех с языка один из случаев. Кое-кто из полицейских ему сочувствовал, но Борги, может быть в силу своей наивности, полагал, что у такого следователя можно многому научиться. Он едва начал работать, и такой опыт ему бы наверняка не повредил. Вот только Фогель занимался исключительно громкими делами, преступлениями, совершенными с особой жестокостью, под воздействием эмоционального импульса. И поговаривали, что он всегда сам внимательно отбирал себе дела.

И поэтому Борги размышлял, что же такого необычного в деле об исчезновении девочки, что Фогель за него взялся. Даже если принять во внимание, что страхи родителей Анны Лу могут оказаться не напрасными и с девочкой действительно случилась беда, дело вряд ли получит широкую огласку. А Фогеля обычно интересовали только громкие дела.

– Мы очень скоро будем на месте, – заверил он собеседника, чтобы быстрее завершить разговор.

И в этот момент вдруг заметил припаркованный в конце улицы черный фургон, а в нем двоих мужчин, не сводивших глаз с дома Кастнеров.

Полицейский уже собрался выйти из машины для проверки, но тут увидел, что спецагент вышел из дома и направляется к нему. Потом Фогель неожиданно замедлил шаг и сделал нечто абсолютно несуразное.

Он принялся аплодировать.

Сначала тихо, потом все громче и громче, постоянно оглядываясь кругом. Звук быстро разнесся в морозном воздухе, и в окнах ближайших домов начали появляться лица людей. Старушка, супружеская пара с детьми, толстяк, домохозяйка с бигуди в

волосах. Постепенно во всех окнах возникли любопытные глаза. Все наблюдали за сценой, ничего не понимая.

Тогда Фогель перестал бить в ладоши.

Он в последний раз оглянулся на тех, кто наблюдал за ним, и как ни в чем не бывало пошел к машине. Борги хотел спросить у патрона, почему тот так странно себя повел, но и в этот раз Фогель заговорил первым:

– Что вы заметили сегодня в доме, агент Борги?

Молодой полицейский ответил не задумываясь:

– Муж и жена все время держали друг друга за руки, в полном единении... Но говорила только она.

Спецагент кивнул, глядя сквозь ветровое стекло:

– Этот человек просто умирает от желания нам что-то рассказать.

Борги ничего не ответил. Он завел машину и сразу забыл и о странных аплодисментах, и о черном фургоне.

Полицейское отделение оказалось гораздо теснее и непригляднее, чем ожидал Фогель, и он запросил для расследования более подходящее место. Теперь оперативным помещением расследования дела о пропаже девочки стал школьный спортивный зал.

Маты и спортивный инвентарь отодвинули к стенам, волейбольную сетку сложили в углу. Кто-то принес из классов преподавательские кафедры, чтобы они служили письменными столами, кто-то разжился складными стульями из сада. Библиотека предоставила две пишущие машинки и компьютер, а вот телефон, по которому можно было связаться с внешним миром, был всего один. Под баскетбольной корзиной поставили классную доску, на которой мелом написали: «Результаты расследования». Под надписью к доске прикрепили все, что удалось до сих пор найти: фото Анны Лу, то самое, что фигурировало на листовках, расклеенных семьей, и карту долины.

Сейчас в зале гудели голоса маленькой кучки полицейских Авешота в штатском, сгрудившихся вокруг кофемашины и подноса с выпечкой. Они болтали с набитым ртом и нетерпеливо поглядывали на часы. Разобрать, о чем шла речь, было трудно, но по выражению их лиц можно было определить, что всех волнует одно.

Глухой удар обеих створок пожарного выхода, прозвучавший неожиданно, заставил всех обернуться. В зал в сопровождении Борги вошел Фогель, и гул разговоров сразу стих. Входная дверь резко захлопнулась за спиной спецагента, и теперь в зале были слышны только четкие шаги его чуть поскрипывающих кожаных ботинок.

Не поздоровавшись и никого не удостоив взглядом, Фогель подошел к доске, стоящей под баскетбольной корзиной. Он на миг впился глазами в надпись «Результаты расследования», а потом вдруг неожиданным движением зачеркнул надпись и сорвал листок с картой.

Затем написал мелом число: 23 декабря.

И, повернувшись к маленькой аудитории, произнес:

– С момента исчезновения прошло два дня. В таких случаях время может работать как против нас, так и за. Все зависит от нас. Надо использовать его по максимуму, а для этого нам необходимо сделать первый шаг.

Последовала пауза.

– Мне нужны блокпосты на шоссе, на выходах из долины, – сказал он решительно. – Задерживать никого не надо, наша задача – подать сигнал.

Все молча слушали. Борги отошел в сторонку и наблюдал за сценой, прислонясь к стене.

– Там есть две видеокамеры: возле распределителя бензина на колонке и еще одна для слежения за транспортом на шоссе. Кто-нибудь проверил, работают они или нет? – спросил Фогель.

После нескольких секунд замешательства один из полицейских, парень с наметившимся брюшком, в клетчатой рубашке и при голубом

галстук, поднял чашку с кофе в знак того, что просит слова.

– Да, синьор. Мы изъяли все записи за время до и после исчезновения девочки.

– Хорошо, – похвалил Фогель. – Припомните всех водителей-мужчин из машин, проходивших транзитом, и выясните, с какой целью они въезжали в долину или выезжали из нее. Обратите особое внимание на людей с преступным прошлым и на тех, за кем числится какое-либо нарушение.

Со своего наблюдательного пункта Борги заметил недовольство полицейских.

В разговор вмешался агент, который был старше остальных и чувствовал за собой право на критику:

– Синьор, нас мало, у нас не хватает ресурсов, и мы не располагаем фондами для экстренных случаев.

Послышался шумок одобрения.

Фогель ничуть не смутился, оглядел импровизированные столы и прочие признаки недостатка средств, которые ему казались смехотворными. Он не мог осудить этих людей за то, что они пали духом и их одолел скепсис. Но и позволить им чувствовать себя ни при чем тоже было нельзя. И он спокойно сказал:

– Я знаю, что сейчас вам всем хочется быть дома и праздновать Рождество вместе с вашими семьями. Меня и агента Борги вы воспринимаете как чужаков, приехавших командовать. Но когда вся эта история кончится, мы с агентом Борги вернемся туда, откуда явились. А вот вам... – Он быстро оглядел их всех, одного за другим. – А вам придется каждый день встречать родителей этой девочки.

Последовало короткое молчание. Потом старый полицейский снова заговорил, на этот раз уже без прежней спеси:

– Синьор, простите за вопрос, но почему мы должны искать мужчину, если пропала девочка? Может, сосредоточиться на ней?

– Потому что кто-то ее похитил.

Как и ожидалось, эта фраза произвела эффект взорвавшейся бомбы, и все реплики стихли. Фогель оглядел лица присутствующих. Любой полицейский, наделенный здравым смыслом, с порога отмел бы такое утверждение как следственную ошибку. В пользу этой гипотезы не было ни одного доказательства, ни одного даже слабого намека. Такое обвинение ни на чем не держалось. Но Фогелю было достаточно, чтобы в их головах зародилась мысль: да, такое *возможно*. А семя *возможности* даст со временем всходы *уверенности*. Он хорошо знал, что если ему удастся убедить этих людей, то уже удастся убедить кого угодно. И все решалось здесь. Не в специально оборудованном оперативном кабинете, а в школьном физкультурном зале. И не с опытными, закаленными в полевых условиях профессионалами, а с плохо экипированными местными полицейскими, которые понятия не имели, куда дальше двигаться в таком сложном расследовании. В этот момент решалась судьба дела, а может быть, и судьба шестнадцатилетней девочки. А потому Фогель решил собрать воедино все приемы, накопленные за долгие годы, чтобы добиться успеха.

– Бесплезно ходить вокруг да около, – продолжил он. – Надо называть вещи своими именами. Потому что иначе мы зря потеряем время. Я уже говорил. И время это принадлежит Анне Лу, а не нам.

Он вытащил из кармана пальто черную записную книжку, быстрым движением открыл ее и заглянул в записи.

– Итак, около пяти вечера двадцать третьего декабря Анна Лу Кастнер отправляется в церковь, которая расположена в трехстах метрах от ее дома.

Фогель повернулся к доске и поставил на ней две точки, на расстоянии друг от друга:

– Мы знаем, что в церковь она не попадет. Но девочка не из тех, кто бегаёт из дому. Это говорят все, кто ее знает, и о том же свидетельствует ее образ жизни: никакого Интернета в доме, никаких профилей в соцсетях, а в мобильнике всего пять номеров: мама, папа, бабушка с дедушкой и приходская церковь.

Он снова повернулся к доске и соединил две поставленные точки линией:

– Все ответы находятся на этих трехстах метрах. Здесь обитают еще одиннадцать семей: сорок шесть человек, и тридцать два из них в тот момент были дома... но никто ничего не видел и не слышал. Все камеры слежения направлены на дома, а не на улицу, а потому от них нет никакого толка. Как там говорится? «Каждый возделывает только свой огород».

Он положил в карман черную записную книжку.

– Похититель изучил привычки обитателей квартала и знал, как пройти незамеченным. И факт, что мы сейчас можем только предполагать, что он существует, говорит о том, что он хорошо подготовился, прежде чем начать игру... И пока он выигрывает.

Фогель положил мел, отряхнул ладони и внимательно оглядел аудиторию, пытаясь понять, удалось ли ему расшевелить их своей гипотезой. Похоже, брешь была пробита. Он заронил в них сомнение. Более того, предложил мотивацию для дальнейших действий. Теперь он может без труда ими командовать и никто больше не поставит под сомнение ни один его приказ.

– Ладно, запомните: вопрос не в том, где сейчас находится Анна Лу. Вопрос в том, с кем она находится, – заключил спецгент. – А теперь нам нужно поспешить.

Борги на голодный желудок закрылся в номере маленькой гостиницы «Альпийские цветы», который заказал с вечера, рядом с номером спецгента Фогеля. Он был уверен, что Рождество будет встречать в другом месте. Хотя отелей в здешних местах почти не осталось, в эти предрождественские дни постояльцев в гостинице не было. Все остальные заведения закрылись после того, как было найдено месторождение флюорита. В первый момент Борги спрашивал себя, почему их не приспособили для нужд работников компании, но портье ему объяснил, что рабочие все из местных, а

менеджеры передвигаются на вертолетах и нигде не задерживаются надолго.

Жителей в городке было около трех тысяч человек, и половина мужского населения была занята на горнодобывающем предприятии, расположенном над долиной.

Первое, что сделал Борги, войдя в номер, он снял кожаные ботинки и галстук. За целый день в такой одежде он замерз как собака. Обычно он надевал костюм, когда надо было выступать в суде, но носить его целый день было не в его привычках. Он подождал, когда тело привыкнет к температуре воздуха в номере, и снял пиджак, а потом и рубашку. Рубашку придется выстирать и повесить в душе, в надежде, что она до завтра высохнет. Жена забыла положить ему чистую рубашку, когда собирала чемодан. Каролина в последнее время стала очень рассеянной. Они немногим больше года как поженились, и она была на седьмом месяце.

Трудно объяснить молодой жене, ожидающей ребенка, что не сможешь провести с ней Рождество, пусть даже причина – твоя неотложная работа полицейского.

Борги замочил в раковине рубашку и набрал домашний номер. Разговор состоялся довольно короткий.

– Ну и что произошло в Авешоте? – сухо спросила она.

– На самом деле мы и сами пока не знаем.

– Тогда они могли бы дать тебе выходной.

Было ясно, что Каролина ищет ссоры. Иметь с ней дело, когда она в таком настроении, было невыносимо.

– Я ведь тебе говорил, что, если хочу получить повышение по службе, мне важно быть здесь.

Он пытался говорить примирительно, но это удавалось с трудом. И тут его привлекли голоса, идущие с экрана телевизора.

– Извини, мне надо идти, в дверь стучат, – соврал он и положил трубку раньше, чем Каролина снова принялась ныть.

Он сразу подошел к телевизору, чтобы увидеть, что показывают.

В рождественский вечер, когда все уже отпраздновали и спешили закончить длинный праздничный день, на экране телевизора появились родители Анны Лу.

Они сидели за большим прямоугольным столом, стоявшим на возвышении. Длинные зимние куртки висели на них, словно в одночасье стали велики: глубокая тоска иссушила их лица за последние часы. Вид у них был измученный, но они по-прежнему держались за руки.

Борги узнал ролик, который местный инженер снял нынче вечером под контролем Фогеля. Он тоже там присутствовал, но увидеть ту же сцену на телеэкране было как-то странно, и Борги вряд ли смог бы объяснить почему.

Бруно Кастнер показывал в объектив телекамеры фотографию дочери в рамке, сделанную во время богослужения. Девочка была в белом облачении, с надетым поверх деревянным распятием. Его жена Мария, с тем же распятием на шее, зачитывала с экрана сообщение:

– Анна Лу имеет рост сто шестьдесят семь сантиметров, у нее длинные рыжие волосы, которые она обычно завязывает в хвост. В день исчезновения на Анне Лу был серый спортивный костюм, кроссовки, белый пуховик и яркий рюкзачок.

Переведя дыхание, Мария посмотрела прямо в камеру, словно непосредственно обращаясь ко всем родителям, кто мог ее слышать, а может, и ко всем тем, кто мог знать правду.

– Наша дочь Анна Лу – девочка мягкая и деликатная, все, кто с ней знаком, знают, какое у нее доброе сердце. Она любит кошек и доверчива к людям. А потому сегодня мы обращаемся и к тем, кто не был с ней знаком в первые шестнадцать лет ее жизни: если вы ее видели или знаете, где она, помогите нам вернуть ее домой. Анна Лу, мама, папа и твои братья любят тебя. Где бы ты ни была, я надеюсь, что наши голоса и наша любовь дойдут до тебя. Когда ты вернешься домой, мы подарим тебе котенка, которого ты так хотела, Анна Лу, я тебе обещаю... Да хранит тебя Господь, моя малышка.

Борги заметил, что она много раз повторила имя дочери, хотя в этом и не было необходимости. Может быть, она боялась утратить последнее, что осталось у нее от Анны Лу.

В этот момент простая, никому не известная девочка, которая и не помышляла когда-нибудь появиться на телеэкране, и маленькое альпийское местечко под названием Авешот стали печально знаменитыми.

И Борги понял, что за смутное чувство он испытал, когда наблюдал за знакомой сценой так, словно никогда ее не видел.

Сработал телеэффект: жесты и слова обретали совершенно новый смысл.

Когда-то телевидение предлагало взглянуть в действительность, теперь же оно запускало обратный процесс: делало действительность плотной и осязаемой. Оно ее воссоздавало.

Сам не зная почему, Борги вдруг вспомнил слова, которые произнес Фогель, когда садился в машину после странных аплодисментов перед домом Кастнеров. Слова эти относились к отцу Анны Лу: «Этот человек просто умирает от желания что-то нам рассказать».

Борги и Каролина ждали девочку. А этот человек, Бруно Кастнер, на которого упала мрачная тень Фогеля, уже целых сорок восемь часов не знал, какой конец уготован его собственной дочери. Полицейского охватила неожиданная тоска, и он в тревоге спрашивал себя, неужели мир, где должна появиться на свет его девочка, настолько жесток?

Незадолго до полуночи в доме Кастнеров воцарилась тишина. Но тишина эта не имела ничего общего с покоем, ибо только подчеркивала пустоту, что вот уже сорок восемь часов как образовалась в доме. Теперь отсутствие Анны Лу стало осязаемым. Отец уже не мог его не замечать, как умудрялся делать весь день, избегая смотреть туда, где обычно устраивалась девочка: на ее стул, на стол, на кресло, где она любила сидеть, читая книжку или смотря

телевизор, да, наконец, на дверь в ее комнату. Он восполнял отсутствие ее голоса другими звуками. Например, когда боль оттого, что больше не слышно ее болтовни, смеха или мурлыканья какой-нибудь песенки, становилась нестерпимой, Бруно Кастнер принимался что-нибудь передвигать в комнатах, чтобы шум заслонила пустоту и хоть немножко отвлек его от мучительной тишины.

Доктор Флорес прописал Марии успокоительное, чтобы она спала. Убедившись, что она приняла лекарство, Бруно пошел подоткнуть одеяла близнецам и задержался на пороге детской, наблюдая за их беспокойным сном. Мальчишки стойко держались, но по тому, как беспокойно они спят, можно было понять, что их тоже накрыла тревога. Весь день они с безразличным видом задавали вопросы, довольствуясь короткими уклончивыми ответами взрослых. Но за притворным безразличием скрывался страх узнать правду, к которой семилетний ребенок еще не готов.

Бруно Кастнер и сам не знал, какая она, эта правда, знал только, что она его очень пугает.

Кастнер уселся за обеденный стол. На нем снова были пижама и домашние тапочки. После визита полицейских он оделся по-уличному, сам не зная, куда собирается идти. За рулем ему становилось легче, спасала привычка к шоферскому труду. И он часами бесцельно кружил по горным дорогам, пытаясь найти хоть какой-нибудь след Анны Лу. На самом деле он убегал от тоски и от чувства бессилия, которые наверняка испытывает любой отец, не уберегший своих детей от беды.

И теперь, под конец этого бесконечного дня, он, хотя и очень устал, не был уверен, что удастся заснуть. Он опасался тех снов, что его ожидали, а снотворное принять не мог, потому что кто-то же должен охранять и дом, и семью. Хотя, наверное, это было бесполезно: ведь зло все равно нашло лазейку. И потом, оставалась возможность, что Анна Лу вернется или позвонит и избавит их от злых чар.

Он вошел в гостиную и взял из ящика альбом с семейными фотографиями, которые Мария с любовью собирала все эти годы.

На них его девочка была запечатлена с самых детских лет.

Вот она еще ползает, вот начинает ходить, вот он учит ее кататься на велосипеде. А вот целая серия снимков важных событий: первый день рождения, первое Рождество, первый день в школе... А вот еще: рождественские праздники, конькобежные соревнования... Целый хоровод счастливых воспоминаний. Но почему – уже сама мысль об этом казалась глупой – люди не снимают на фото скверные дни? А снимали бы – не отодвинули бы их в сторону, рассуждал Бруно.

А вот фото с последнего, прошлогоднего отпуска, проведенного вместе на море. Анна Лу в купальнике выглядела смешно и немного неуклюже, и сама об этом знала. Она еще не расцвела, как большинство ее ровесниц, и выглядела совсем ребенком, с хвостом рыжих волос и веснушками. Бруно Кастнеру так хотелось, чтобы Мария поговорила с ней, объяснила бы, что это нормально, что настанет день – и ее тело волшебным и счастливо преобразится. Но для его религиозной жены темы пола и полового созревания были запретными. Сам же он не мог говорить об этом с дочерью. Потом, когда подрастут мальчики, он наверняка с ними поговорит. Но с единственной подростковой дочерью отец об этом говорить не вправе. Анна Лу смутится, вспыхнет, щеки у нее запылают... А что она сможет сделать? Только почувствовать себя еще более беззащитной и ранимой.

Его девочка, как и он сам, робела и смущалась, когда надо было как-то взаимодействовать с внешним миром. Включая и собственную семью.

Бруно так хотелось дать ей больше. К примеру, он с радостью отдал бы часть денег, вырученных от продажи участка, чтобы послать ее учиться в лучшую школу за пределы долины, а может быть, и в частный колледж. Но участок принадлежал жене, следовательно, и деньги тоже. И Мария, как обычно, все решила за

всех. Он был не против отдать часть денег в пользу братства, но ему хотелось, чтобы собственные дети тоже могли распоряжаться этими деньгами, а не только рассчитывать на будущую ипотеку.

А потому Бруно Кастнер вовсе не знал, будет ли у его дочери будущее.

Он раздраженно отмахивался от этой мысли. Но желание как следует треснуть кулаком по столу его все же одолевало. Он был достаточно силен, чтобы разломать чертов стол пополам. Но сдерживался. Всю свою жизнь он только и делал, что сдерживался.

Бруно потер веки, а когда снова открыл глаза, то задержался взглядом на одной из фотографий. Снимок был сделан недавно. На нем Анна Лу улыбалась рядом с другой девушкой. И в сравнении с ней выглядела совсем ребенком, в своем спортивном костюмчике, кроссовках и с неизменным хвостом рыжих волос. Сравнение выходило довольно-таки безжалостным. Подружка, с макияжем, одетая по моде, казалась уже взрослой женщиной. Бруно Кастнер взгляделся в обеих, ему захотелось расплакаться, но слез не было.

Во всем, что произошло, виноват он, и только он один.

Он был человек верующий, но его вера не отличалась такой крепостью, как вера Марии. Этот свой изъян он признавал. Но если бы ему хватило силы отстаивать свое мнение, Анна Лу находилась бы сейчас в безопасности в колледже или еще где-нибудь. Если бы ему хватило мужества сказать Марии все, что он о ней думал, его дочь не пропала бы.

Но он промолчал. Так поступают все грешники: они молчат и тем самым лгут.

Бруно Кастнер сам вынес себе такой приговор. Он собрал все фотографии, сложил их в альбом и приготовился встретить свою третью бессонную ночь.

На столе осталась только одна фотография, та, где Анна Лу была рядом с подружкой.

Эту фотографию он положил в карман.

26 декабря

Три дня после исчезновения

Погода поменялась, похолодало, и сияющее рождественское солнце затянула густая пелена серых облаков.

Авешот лениво отсыпался после праздничных застолий. Но Фогель и Борги встали рано, чтобы с большей пользой провести день. На своем темном автомобиле они ездили по улицам местечка. Спецагент был в прекрасной форме и оделся так, словно собирался на официальную встречу: до блеска начищенные ботинки, костюм, как у принца Уэльского, белая рубашка и розовый шерстяной галстук. Борги был одет в тот же костюм, что и накануне, и у него не было возможности погладить рубашку, выстиранную в гостинице. А потому рядом с шефом он чувствовал себя не в своей тарелке. Он сосредоточенно вел машину, а Фогель тем временем оглядывался по сторонам.

На стенах домов виднелись религиозные призывы: «Я с Иисусом!», «Христос – наш путь!», «Кто идет рядом со Мной, тот спасется!». Судя по тому, что надписи были сделаны белой эмалевой краской, их писал явно не какой-нибудь безвестный фанатик. Это владельцы окрестных домов таким образом выражали свою приверженность христианской вере. Кроме того, почти повсюду висели распятия: они были прибиты на фасадах общественных зданий, раскачивались на замерзших клумбах и даже в витринах магазинов.

Казалось, местечко захлестнула волна религиозного фанатизма.

– Расскажите-ка мне о религиозном братстве, к которому принадлежат Кастнеры.

Просьба Фогеля не застала Борги врасплох, он успел изучить вопрос.

– Насколько я знаю, примерно двадцать лет назад в Авешоте разгорелся скандал: местный священник сбежал со своей

прихожанкой, женщиной набожной, матерью троих детей.

– Сплетни меня не интересуют, – ядовито заметил Фогель.

– Так ведь с этого все и началось. В других условиях эта история кончилась бы шквалом сплетен и клеветы, но в Авешоте ее восприняли всерьез. Говорят, священник был молод и обладал сильной харизмой. Он покориł всех своими проповедями, и прихожане его очень любили.

«В замкнутом сообществе, живущем в горном уединении, действительно нужна немалая харизма, чтобы достучаться до людских сердец... и заручиться доверием людей», – подумал Фогель.

– Но дело в том, что священник сумел вскормить себе верных последователей. Паства у него всегда была достаточно набожная, а потому после того, что случилось, прихожане наверняка решили, что духовный лидер их предал. И недоверчивость, вообще свойственная местным жителям, очень быстро возобладала. Прихожане начали отвергать всех, кого им присылала курия взамен сбежавшего пастыря. Прошло года два, и некоторые из них взяли на себя роль дьяконов, и с тех пор община перешла на самоуправление.

– Как религиозная секта? – спросил Фогель, неожиданно заинтересовавшись.

– Что-то вроде того. В этих местах хотя и жили за счет туризма, но чужаков всегда недолюбливали. Приезжие очень докучали, и к тому же их привычки, скажем так, не вязались с местной культурой. С открытием месторождения флюорита население наконец-то смогло от них избавиться и обрубить почти все связи с внешним миром.

– Мария и Бруно Кастнер, наверное, очень ревностные прихожане, если отдали на религиозные нужды такие деньги.

– А вы заметили, что они говорят о своем братстве как о некоем элитарном круге избранных? Получается, если я правильно уловил, что-то вроде «мы и все остальные».

– Вы уловили абсолютно правильно.

– Первыми за активные поиски Анны Лу взялись именно члены братства. И я знаю, что за эти дни они очень сблизились с семьей

Кастнер, а некоторые просто переселились к ним в дом, чтобы не оставлять их одних.

Они подъехали к авешотской церкви. Рядом со старым зданием выросло новое, более современной конструкции.

– Вот, здесь у них место молитвенных собраний. Они собираются здесь гораздо чаще, чем в старой церкви, чтобы погрузиться в общую молитву. Похоже, братство имеет в долине серьезный авторитет и способно даже влиять на решения горнодобывающей компании, которая действительно с ним считается. Мэр, советники и все муниципальные чиновники – выходцы из братства. В результате им удалось провести несколько запретительных законов. Например, здесь запрещено курение в общественных местах и распитие алкоголя по воскресеньям и праздничным дням ранее шести вечера. Община выступает против аборт, гомосексуализма и косо смотрит на тех, кто живет в гражданском браке.

«Фанатики хреновы», – подумал Фогель, который, однако, уже составил себе довольно точное представление о сути дела. Отчасти он был очень доволен.

Контекст исчезновения Анны Лу получался великолепным. Загадочное исчезновение девочки; зло, проникшее в братство, жестко следующее Богу и Его наставлениям; городок, который теперь обречен гадать, что же все-таки происходит.

Или уже произошло.

Фогель договорился о встрече с мэром и лесничим. Борги сразу включился в работу, но просьба спецагента назначить встречу на берегу реки, пересекавшей городок, поставила его в неловкое положение.

Прибыв на место, Борги припарковал машину на просторной гравийной площадке, где стоял заброшенный деревянный киоск. Судя по старой вывеске, когда-то здесь можно было купить живую приманку и взять напрокат удочки. Мэр и лесничий были уже на месте. Они приехали на служебном внедорожнике с гербом городка.

Мэр оказался здоровяком с выпирающим брюхом, которое еле удерживал брючный ремень. На нем была распахнутая спереди куртка, голубая хлопчатая рубашка и галстук с ужасающими красными ромбами. Галстук был сколот золотой булавкой с маленьким аметистовым крестиком на конце. Фогель не подал виду, насколько нелепыми кажутся ему и костюм мэра, и усики над слишком толстой верхней губой, и смешной паричок, прикрывавший лысину на его голове, похожей на грушу. Он подумал, что мэр относится к той породе людей, которым все время жарко, даже зимой. Доказательством тому были его вечно красные щеки. Мэр направился ему навстречу с самой сердечной улыбкой, и Фогель оценил его энергичное рукопожатие, однако сам ответил на приветствие без энтузиазма.

– Спецагент, я знаю Кастнеров всю жизнь и не могу выразить, как меня расстроило все, что происходит сейчас, – сказал мэр, сменив приветливую улыбку на скорбную мину. – Мы счастливы, что заниматься нашей Анной Лу будете вы. Учитывая то, как вы знамениты, наша девочка в надежных руках.

Анна Лу вдруг стала всеобщей дочерью, отметил Фогель. Ну, так всегда и бывает, по крайней мере на словах. Однако, когда закрываются двери домов, все вздыхают с облегчением, что такая участь выпала не их ребенку.

– Вашей девочке будет оказано особое внимание, – ответил Фогель, но его собеседник не уловил в ответе нотки сарказма. – А теперь давайте осмотрим речку.

Фогель обогнул препятствие в виде огромного живота мэра и направился к берегу. Мэр довольно долго находился в некотором замешательстве, потом пошел за ним следом. Лесничий и Борги двинулись за ними. Полицейскому было интересно, докуда дойдет Фогель, спускаясь к воде. К его огромному удивлению, тот зашел за границу галечной отмели и зашлепал по грязи, пачкая пальто и дорогие ботинки.

Остальным, хочешь не хочешь, пришлось пойти за ним.

Лесничий был единственный, кто надел сапоги, остальные шли по колено в жидкой грязи. Борги понял, что нынче вечером опять придется устроить постирушку, и при таком раскладе ему вряд ли удастся обойтись одним-единственным костюмом.

– Русло здесь шириной восемь-десять метров, и скорость течения небольшая. А в этом месте оно максимально замедляется, – сказал лесничий.

Фогель уже успел выяснить у него некоторые детали. Лесничий не понимал, почему они его так интересуют.

– А какая здесь глубина? – спросил спецагент.

– В среднем метра полтора, но местами достигает двух с половиной. Так что воде не всегда удается расчистить дно от мусора, который там скапливается.

– И тогда вмешиваетесь вы?

– В среднем раз в два-три года. Осенью, перед самыми дождями, мы ставим небольшую плотину, а потом землечерпалки за неделю справляются с работой.

Борги обернулся к мосту через речку. Мост был метрах в ста от них, и на нем виднелся черный фургон, тот самый, что он уже заметил вчера возле дома Кастнеров. Вполне возможно, что в нем сидели те же двое, которых он тогда видел. Надо будет сказать Фогелю.

– С тех пор как разработки замедлили течение реки, а тем самым и ее дренаж, на дне скапливаются всякие обломки, мусор и останки животных. Одному Богу известно, что там, под водой, – сказал лесничий и заключил: – Река болеет.

Последняя фраза заставила мэра встрепетаться, и он поспешил поправить своего подчиненного:

– Муниципалитет убедил компанию финансировать программу защиты территории. На благоустройство потрачены значительные суммы.

Фогель не обратил никакого внимания на этот комментарий и, отвлекая Борги от наблюдения за фургоном, сказал:

– Надо поговорить с сотрудниками компании и попросить у них списки внешних поставщиков и сезонных рабочих.

Мэр выглядел заметно озабоченным:

– Да ладно, что вы, зачем их беспокоить из-за того, что может оказаться простым ребячеством?

Фогель обернулся и пристально и серьезно на него взглянул:

– Ребячеством?

Тот снова попытался смягчить выражение:

– Вы меня неправильно истолковали. Я сам отец и понимаю, каково сейчас родителям девочки... Но вам не кажется, что несколько излишне так уж бить тревогу? Компания дает работу множеству людей в долине, и вряд ли ей понравится такая огласка.

Мэр пускает в ход всю свою искренность, чтобы привлечь Фогеля на свою сторону, заметил Борги. Только вряд ли политический прагматизм поможет в общении со спецагентом.

– Хочу вам кое-что сказать... – наклонился Фогель к мэру, понизив голос, словно собирался доверить ему что-то важное. – Меня учили, что существуют два отрезка времени, в которые можно что-то сделать: сейчас и потом. Отсрочка может оказаться мудрой, иногда просто необходимо как следует взвесить ситуацию и возможные последствия. Но, к сожалению, в определенных обстоятельствах излишние рассуждения могут обернуться колебаниями, а то и, того хуже, слабостью. Промедление может усугубить ситуацию. И поверьте мне, нет худшей огласки.

Закончив эту маленькую лекцию, Фогель обернулся к площадке, откуда они спускались к воде. Его отвлек голос, пытавшийся перекрыть шум течения. Остальные тотчас же повернулись вслед за ним.

На берегу, там, где кончалась галька и начинался слой грязи, стояла какая-то блондинка в синем костюме и темном пальто и махала им руками.

Когда они к ней подошли, то по ее грязным туфлям Борги догадался, что она пыталась к ним добраться, но ей не позволили

каблуки.

– Я прокурор Майер, – представилась она.

Она была молода, не старше тридцати, и не слишком высока ростом, хотя смотрелась стройной. Макияжа на ней не наблюдалось, и вид у нее был серьезный. Она сразу отвела в сторонку двоих полицейских и, казалось, была чем-то недовольна:

– Я узнала, что вчера состоялся брифинг. Почему мне ничего не сказали?

– Нам не хотелось отрывать вас от семьи как раз в день Рождества, – мрачно ответил Фогель. – И потом, мне казалось, что прокуроры обычно не принимают участия в предварительном дознании.

Но Майер не так-то просто было вышибить из седла.

– Вы случайно заговорили вчера о похитителе, спецгент Фогель?

– В настоящий момент у нас пока нет ни одной гипотезы.

– Понимаю, но, может быть, хотя бы одно доказательство такой версии? Слухи, косвенные улики, свидетельства?

– Нет, пока нет.

Фогель был раздосадован, но виду не подавал.

– Значит, я могу сделать вывод, что речь идет только об интуиции следователя? – с известной долей сарказма заключила Майер.

– Если вам будет угодно, – отозвался тот, делая вид, что поддерживает ее.

Борги молча наблюдал за этой пикировкой.

– Есть много различных версий, и все надо обсудить, – продолжал спецгент. – Я по опыту предпочитаю начинать с худших сценариев, а потому заговорил о возможном похищении.

– Я побеспокоилась собрать информацию об Анне Лу Кастнер гораздо раньше, чем вы здесь появились. Жизнь этой спокойной и простой девочки проходила среди браслетиков, котят и церковных собраний. Должна заметить, что на фоне девушек ее возраста Анна Лу смотрелась совсем ребенком. Но это вовсе не делает из нее заведомую жертву.

Фогеля позабавила логика ее рассуждений.

– И к каким же выводам вы пришли?

– В этой семье придерживались строгого воспитания. Анне Лу не разрешали знаться со сверстниками, не принадлежавшими к братству, даже с одноклассниками. Ее не отпускали гулять с друзьями или принимать участие в любых затеях, которые не считались «дозволенными и приличными» с точки зрения жестких религиозных канонов. Иными словами, ей не позволялось ничего решать, она не могла даже ошибаться по собственной воле. А в шестнадцать лет у каждого есть право на ошибку. А потому можно допустить, что в один прекрасный миг она взбунтовалась против этих ограничений.

Фогель задумчиво кивнул: «Значит, она предполагает не похищение, а побег».

– Как часто это случается? Вы сами знаете, что статистика говорит в пользу именно этой гипотезы. Анна Лу вышла из дому с разноцветным рюкзаком, и никто из близких не знал, что в нем.

Пока спецгент делал вид, что обдумывает эти заключения, Борги вспомнил о дневнике, который мать Анны Лу отдала Фогелю накануне, когда они приходили к Кастнерам. В этой тоненькой тетрадке не было даже намека на желание сбежать из дома.

– Ваша концепция весьма привлекательна, – согласился Фогель.

Но Майер была не из тех, кто покупается на лесть, а потому она снова ринулась в атаку:

– Я знакома с вашими методами, Фогель, и знаю, что вас привлекает свет рампы, но здесь, в Авешоте, вряд ли найдется такой монстр, чтобы вы могли устроить шоу.

Фогель попытался свернуть разговор с опасных рельсов:

– Оперативное помещение у нас в школьном спортзале, а мой кабинет в раздевалке. Люди, предоставленные в мое распоряжение, не разбираются в вопросе и плохо оснащены. Мне бы хотелось иметь под рукой экспертов, чтобы сантиметр за сантиметром

изучить тот участок дороги, где исчезла девочка. И тогда мы охотно примем вашу гипотезу.

Майер весело хмыкнула, но тут же снова стала серьезной:

– Как вы думаете, что произойдет, если просочится информация, что полиция рассматривает версию о похищении?

– Никакой утечки информации не будет, – уверил ее Фогель.

– Почему же вы имеете наглость просить у меня экспертов-криминалистов, если у вас вообще нет версии?

– Никакой утечки информации не будет, – еще решительнее заявил спецгент.

Борги заметил, как на лбу у Фогеля надулась вена. До сих пор он никогда не видел, чтобы тот выходил из себя.

Майер, похоже, успокоилась. Прежде чем удалиться, она пристально оглядела обоих:

– Не забывайте, что пока речь идет просто об исчезновении.

На обратном пути все хранили молчание. Борги собирался что-то сказать, но боялся, что тем самым выпустит на волю гнев, который Фогель с самого начала сдерживал.

И тут он заглянул в зеркало заднего вида и снова заметил черный фургон. Он ехал за ними.

Его движение не укрылось от Фогеля. Он опустил солнцезащитный козырек и, воспользовавшись маленьким карманным зеркалом, оглядел дорогу. Потом захлопнул зеркало.

– Они со вчерашнего дня следят за нами. Остановить их? – спросил Борги.

– Вот шакалы, – изрек Фогель. – Вышли на охоту за информацией.

Борги поначалу не понял:

– Вы хотите сказать, что это журналисты?

– Да нет, – отозвался Фогель, не глядя на него. – Телеоператоры в свободном полете. Когда они чувствуют какую-нибудь мутную историю, тут же появляются со своими камерами, в надежде заснять что-нибудь такое, что потом можно будет продать в Сети. Журналисты не

станут тратить время на пропавших девочек, разве что тут запахнет кровопролитием.

Борги почувствовал себя дураком, потому что понял: шеф заметил фургон и утром, и накануне возле дома Кастнеров.

– И что надо этим шакалам?

– Ждут, когда появится монстр.

Борги начал понимать:

– И для этого мы сегодня ездили на берег реки... Вы хотели, чтобы они подумали, что мы собираемся искать тело.

Фогель молчал.

Молчание смутило молодого полицейского.

– Но ведь вы только что сказали прокурорше, что никакой утечки информации не будет...

– Кому же понравится уронить себя в глазах общественности, агент Борги? – осадил его Фогель. – Уж точно не нашей синьорине Майер, поверьте мне.

И, повернувшись к помощнику, прибавил:

– Чтобы разыскать Анну Лу, мне нужны технические средства. Одного заявления родителей недостаточно.

Этой фразой спецгент поставил в разговоре жирную точку. Больше до самого спортзала они этой темы не касались. А Борги понял наконец намерения Фогеля. Сначала его поведение казалось циничным, но теперь он уловил логику. Если этим случаем не заинтересуются СМИ, если Анну Лу не «усыновит» общественное мнение, то начальство не выделит им ресурсов для более детального расследования.

Фогель ушел к себе в кабинет, оборудованный в раздевалке, а Борги отправился в ближнюю скобяную лавку. Когда он вернулся, то позвал всех полицейских к столу и выдал им комбинезоны, какие обычно надевают маляры.

– И что мы будем красить? – игривым тоном спросил один из них.

Борги не обратил на него внимания:

– Вам надо надеть комбинезоны и разойтись по местам.

- Зачем? Что мы будем делать? – подал голос другой.
- Поговорим об этом, когда окажетесь на местах, – уклончиво ответил полицейский.

К вечеру пошел снег. Не тот, что ложится густым, плотным слоем, а легкий, как пыль, исчезающий при контакте с любой поверхностью, как призрак.

Температура упала на несколько градусов, но в придорожном ресторанчике было тепло и уютно. Клиентов, как обычно, было мало. За двумя разными столиками молча поглощали еду двое дальнобойщиков. Снизу доносился голос хозяина, отдающего распоряжения на кухне, слышался стук бильярдных шаров и приглушенный звук телевизора, висевшего над стойкой. На экране транслировали футбольный матч, который никто не смотрел.

Третьим клиентом ресторанчика был Борги. Он сидел в одном из отдельных кабинетов и ел овощной суп, маленькими кусочками кроша в тарелку хлеб и вылавливая его ложкой. При этом он настойчиво поглядывал на часы.

– Все в порядке? – спросила его официантка таким тоном, словно изо всех сил заставляет себя быть вежливой.

На ней был красный шарф, а на форменном платье виднелся аметистовый крестик. Борги уже видел такой на галстучной булавке мэра. Должно быть, это символ общины.

- Суп просто прекрасный, – ответил Борги, слегка улыбнувшись.
- Принести еще?
- Спасибо, не надо.
- Тогда принести счет?
- Я посижу еще, спасибо.

До назначенной встречи оставалось совсем немного. Женщина не стала настаивать и с невеселым видом вернулась за стойку. Еще один вечер пройдет без чаевых... Борги ей сочувствовал: наверняка у нее семья, дети. Лицо у нее было усталое. Наверное, это не единственная ее работа. Что-то в ней такое было... Она постоянно

поправляла на шее красный шарфик. Кто знает, как ее воспринимают мужья и женихи здешней общины, которые поколачивают своих жен, подумал агент.

Ему бы надо позвонить Каролине. Сегодня они обменялись только эсэмэсками. Она сейчас у родителей, и Борги был за нее спокоен. Но она продолжала надоедать ему вопросами, когда же он вернется домой. А он и сам не знал. И не знал, сильно ли хочет домой. Надо было столько всего сделать, заново организовать всю жизнь в ожидании малышки. За последние месяцы Борги пришлось единым духом принимать множество решений подряд. Снять квартиру побольше, обставить ее, приспособить под семью. Он сменил машину, выбрав подержанную модель, в которой будет удобнее эту семью возить. Он экономно тратил деньги, но временами его охватывала тревога: ведь теперь Каролина не будет работать и все ляжет на его плечи. К тому же он был совершенно не способен ей противоречить и, когда она принималась жаловаться, что он слишком много работает, не находил других аргументов, кроме появления на свет малышки и того, что одной зарплаты им не хватит. В общем, Борги взялся за мобильник, но снова отложил звонок молодой жене и уже в который раз покосился на часы. Он хотел быть уверен, что его замысел принесет плоды.

Было ровно восемь вечера. Время встречи.

Постепенно атмосфера сонного ресторанчика оживилась. И произошло это, когда хозяин переключил канал телевизора и прибавил звук. Бильярдисты прекратили партию, дальнобойщики повернулись к экрану. Под телевизором собралась небольшая компания, включавшая в себя и кухонный персонал.

Национальная служба новостей передавала репортаж с природы. Борги узнал берег реки, пересекавшей долину в Авешоте. Съемку вели с моста. Он увидел своих людей в комбинезонах, они брели по грязи вдоль берега, внимательно разглядывая землю и делая вид, что собирают вещдоки и складывают их в полиэтиленовые мешки, а

потом запечатывают, в точности следуя инструкции, которую он же сам и придумал.

– Дело юной Анны Лу приняло неожиданный оборот, – сообщал голос ведущего за кадром. – Полиция ведет официальное расследование исчезновения девочки. Нынче вечером сотрудники научной группы завершили осмотр предполагаемого места преступления вдоль по течению реки.

Хотя на него никто не смотрел, Борги изо всех сил старался не выдать, как он доволен. Трюк сработал.

– Нам неизвестно, что они искали, – продолжал диктор. – Мы знаем только, что они унесли с собой несколько предметов, которые спецгент Фогель, известный своими громкими расследованиями, определил как «интересные», ничего при этом не добавив.

На этом месте Борги встал и направился к кассе, чтобы расплатиться. Хотя зарплата у него и была мизерная, он оставил официантке щедрые чаевые.

27 декабря

Четыре дня после исчезновения

Фургон, в котором располагалась настоящая режиссерская студия, был припаркован на площади перед муниципалитетом. Снаружи техник с собранными в пучок дредами перематывал провода. Вокруг стояли ящики с материалами и складной стул с надписью на спинке: «Стелла Хонер».

Стелла, стройная блондинка, красивая какой-то агрессивной красотой, с темными глазами, которые умело подчеркивал макияж, удобно устроившись на стуле, рассеянно наблюдала за работой техника. У ее ног стояла телекамера с логотипом вещательной компании, в которой она работала. Великолепные ноги в туфлях на головокружительных каблуках были изящно скрещены. Кто бы мог подумать, что в лице маленького городка, где она выросла, мальчишки ею почти не интересовались? Они всегда держались от нее в сторонке, хотя среди девчонок она была самой хорошенькой. Она годами спрашивала себя почему. И только много позже поняла, что они ее побаивались. А потому она иногда старалась проявлять темперамент, но вовсе не для того, чтобы их завоевать. Она подпускала их поближе, а потом вцеплялась мертвой хваткой.

И только одного человека обмануть ей не удалось.

Сквозь утреннюю мглу она увидела, как он медленно подходит, засунув руки в карманы кашемирового пальто, и на лице его играет какая-то приклеенная улыбка.

– Вот кто откроет нам секрет, чем мы тут занимаемся! – торжествующим тоном произнесла она, обернувшись к технику. – Это место никак не вяжется с моими туфлями.

– Сожалею, что тебе пришлось проделать такой путь, Стелла, – насмешливо приветствовал ее Фогель. – У тебя-то уж точно были дела поважнее. Кажется, я видел твой последний репортаж об этом

типе, который убил жену... А может, невесту? Все эти убийства похожи одно на другое.

Стелла улыбнулась с видом человека, который умеет выслушать едкую шутку и тут же дать сдачи.

Она подождала, когда Фогель подойдет ближе и окажется напротив нее, и, бросив взгляд ему за спину, снова обратилась к оператору:

– Знаешь, Франк, этому человеку уже удалось убедить всех, что существует некий монстр, хотя у него нет ни крупицы доказательства.

Фогель слушал с явным любопытством, а потом тоже повернулся к оператору:

– Видишь, Франк? Вот этим журналисты и занимаются: манипулируют действительностью, чтобы ты казался хуже, чем они. Стелла Хонер – королева корреспондентов. Во внешних связях ей равных нет!

И снова повернулся к Стелле:

– А сейчас не холодновато, чтобы работать на пленэре?

– Вот именно! Пропала девочка? Вперед! Если уж мне суждено отморозить задницу, то пусть это будет ради настоящего сюжета. А здесь нет никакого сюжета, а потому я возвращаюсь домой.

Техник не произнес ни слова и не обратил внимания на их пикировку. Он просто залез обратно в фургон, оставив из одних.

Стелла сменила свой ядовитый тон и пошла в атаку:

– И где же твой похититель детей, Фогель? Если честно, то я думаю, его не существует.

Спецагент не растерялся. Он знал, что убедить Хонер будет нелегко, а потому заранее хорошо подготовился.

– И в городок, и из городка ведет всего одна дорога. С одной стороны есть камера слежения за трафиком, с другой стороны – видеочамера на бензоколонке. Сейчас мы изучаем все проходившие по шоссе машины, тщательно, как сквозь сито, просеиваем жизнь каждого из горожан... Но я уже знаю, что это ничего не даст.

Стелла Хонер удивилась:

– Тогда к чему все труды?

Фогель ловко отразил такой неожиданный поворот действия:

– А чтобы доказать мою теорию, что девочка никуда отсюда не девалась.

Стелла помолчала чуть дольше, чем требовалось, – верный признак, что дело ее начинает интересовать.

– Валяй дальше...

Фогель знал, что если журналистка снялась с места и оказалась здесь, то за это он должен благодарить Борги. Идея с малярными комбинезонами себя оправдала. Парень знал, что делает. Теперь же в игру должен вступить мастер. Фогель снова с воодушевлением заговорил:

– Живет себе затерянная в горах долина... И вот однажды выясняется, что горы скрывают месторождение такого редкого минерала, как флюорит. И люди неожиданно становятся богатыми. Здесь все друг друга знают и никогда ничего не случается. И все помалкивают. В этих местах привыкли все скрывать, даже богатство... Знаешь поговорку? «Маленькая компания – большие секреты».

Это было похоже на прелюдию к великолепной истории, и, чтобы придать рассказу убедительности, спецгент вытащил из кармана пальто дневник Анны Лу, который ему доверила мать девочки, и бросил журналистке. Она поймала тетрадь на лету.

Стелла его внимательно разглядела и принялась листать.

– *Двадцать пятое марта*, – прочла она вслух. – *Сегодня мы вместе с моей подругой Присциллой относили к ветеринару ее кошку. Доктор сделал ей ежегодную прививку и сказал, что ее надо посадить на диету...*

Она перевернула страницу.

– *Тринадцатое июня. С ребятами из братства мы готовим представление о детстве Иисуса...*

Она снова полистала страницы.

– *Шестое ноября. Я научилась делать браслеты из бусинок...*

Стелла захлопнула дневник и тяжелым взглядом уставилась на Фогеля:

– Котята и браслетики?

– А ты ожидала чего-нибудь другого? – с любопытством спросил Фогель.

– Я бы тоже написала что-нибудь подобное, если бы моя мать имела привычку потихоньку читать мой дневник.

– Следовательно?

– Не вешай мне лапшу на уши. Где настоящий дневник?

Фогель выглядел очень довольным:

– Вот видишь? Я был прав: религиозная семья, девочка честнейшая... Но если порыться, всегда что-нибудь да выйдет наружу.

– Ты думаешь, Анне Лу Кастнер было что скрывать? Может, отношения с кем-нибудь старше ее, со взрослым человеком?

– Ну, это уж тыхватила, Стелла, – рассмеялся Фогель.

Журналистка окинула его подозрительным взглядом:

– Ты же сам хотел, чтобы я прочла, вот я и подумала... А ты не боишься, что кто-нибудь пустит сплетню, что в жизни девочки не все было просто, были темные места? Публике бы понравилось.

– Ты этого никогда не сделаешь, – с уверенностью парировал спецгент. – Первое правило нашего ремесла гласит: жертва священна. И монстры становятся не так уж и чудовищны, если люди начинают думать: «Э, да она сама напросилась!» Тебе не кажется?

Стелла Хонер задумалась, хорошенько взвешивая ситуацию.

– Я думала, ты на меня сердишься из-за того *Мучителя*.

Да, он сердился на нее за то дело, из-за которого потерял львиную долю своего престижа и доверия. Дело *мучителя* обернулось катастрофическим поражением, говоря языком стратегии. Даже при условии, что Фогель имел все основания вести себя именно так, а не иначе, эти основания были слишком сложны, их не объяснишь. И его не поняли.

– Я не злопамятный, – заверил он. – Ну что, мир?

Стелла тут же смекнула, какова была истинная цель перемирия:

– Ты хотел, чтобы я здесь оказалась, чтобы потом за мной потянулись другие компании.

Она все еще делала вид, что ей надо подумать, хотя решение было уже принято.

– Ты даешь мне эксклюзивное право на освещение каждого поворота расследования.

Фогель понял, что она пытается торговаться. Сначала он отрицательно покачал головой, потом ответил:

– Я предоставлю тебе двадцать пять минут форы. Ты будешь узнавать обо всем на двадцать пять минут раньше остальных.

Он произнес это таким тоном, словно приносил неслыханную жертву.

Стелла Хонер притворилась оскорбленной:

– Двадцать пять минут – вообще ничто.

– На самом деле – это вечность, и ты это прекрасно знаешь.

Фогель посмотрел на часы и прибавил, указывая на дневник:

– У тебя есть двадцать пять минут на вот это, пока я не сдал его в архив как вещдок.

Стелла собралась возразить, но у нее в голове уже начало отстукивать время. Она взяла мобильник и принялась фотографировать страницы дневника.

Около одиннадцати Хонер отправила первый репортаж из Авешота для утренних тележурналов. В нескольких шагах от дома Анны Лу оборудовали постоянный пост, откуда корреспондентка сможет рассказывать зрителям о том, как идет расследование. В полдень ведущие вещательные каналы связались со Стеллой, чтобы держать зрителей в курсе событий в режиме реального времени.

Вечером Фогель собрал полицейских своей команды в спортзале на очередной брифинг.

– С этого момента все меняется, – объявил он внимательным слушателям. – Все, что будет происходить с этой минуты, станет решающим в раскрытии тайны исчезновения Анны Лу Кастнер.

Борги отметил про себя, что Фогель умеет нагружать своих людей.

– Теперь это уже не случай местного масштаба. Теперь глаза всей страны направлены на Авешот и на нас с вами. И мы не можем их разочаровать.

Он сказал это с воодушевлением, напирая на последние слова и подчеркивая, что если они не найдут виновного, то это будет только их вина.

– Многие из вас зададутся вопросом, каким образом шум, поднятый службой новостей и прессой, сможет нам помочь. Что ж, наживка брошена, теперь будем надеяться, что кто-нибудь попадет в капкан.

И по тому, как теперь его слушали, Борги понял, что действительно все изменилось. Еще три дня назад его воспринимали как чужака, посланного сюда, чтобы давать указания, как надо работать, и совать нос в чужие дела. Как тщеславного сыщика, который любит командовать и будет на их шкуре добывать себе славу. А теперь они видели в нем вожака, человека, способного прекратить весь этот кошмар, а главное – поделиться с ними славой.

Прежде чем объяснить свой план, Фогель сделал маленькое вступление:

– Всем нравится быть знаменитыми, даже тем, кто в этом не сознается. Происходит странная вещь: поначалу думаешь, что тебе это и не нужно, можно обойтись и без этого, и живешь себе, довольствуясь самим существованием. И ты абсолютно прав.

Он выждал паузу.

– Но когда на тебя направлены прожекторы, в тебе будто что-то щелкает. И ты вдруг обнаруживаешь, что тебе нравится быть уже не той безымянной личностью, какой ты себя считал. Тыходишь во вкус того, о чем раньше и не подозревал. Ты чувствуешь себя не

таким, как все, особенным, и хочешь, чтобы это ощущение никогда не кончалось, а длилось бы долго, может и всегда.

Фогель сложил руки и шагнул к школьной доске, на которой все еще была видна дата: двадцать третье декабря. Он взгляделся в нее и принялся расхаживать перед аудиторией взад и вперед.

– Сейчас повсюду говорят об Анне Лу, девочке с рыжими волосами и веснушками, которая пропала неизвестно куда. Но похититель знает, что на самом деле это говорят о нем и о том, что он сделал. И ему все удалось, учитывая, что мы пока даже не знаем, кто он. Он справился с работой и очень этим горд. Но до сих пор это просто выполненная работа, и ничего больше. Что требуется, чтобы она стала *шедевром*? Подмости. Вот попомните мое слово, он не сможет оставаться в тени и наблюдать, как кто-то у него эти подмости крадет. Он захочет свой кусок славы: ведь, по сути дела, главное действующее лицо в шоу – это он... И мы с вами здесь, потому что это он так решил, он так захотел. Он рисковал, что его поймают и все будет потеряно. И поэтому теперь он станет претендовать на то, что ему причитается.

Фогель замолчал и оглядел всех.

– Этот наш приятель уже отведал сладкий вкус славы. Но ему мало, он хочет еще... Вот на этом мы его и поймаем.

С такой новой повесткой дня поиск пропавшей девочки официально отходил на второй план, и Борги это заметил. Теперь за игровым столом оказался иной приоритет.

Выгнать хищника из норы.

И тут Фогель изложил все, что задумал. Прежде всего он послал двоих людей купить свечек, лампочек и плюшевых котят. Еще нескольких агентов в штатском он отправил к дому Кастнеров, чтобы они разложили все купленное возле низкого каменного забора.

Теперь оставалось только ждать.

Около десяти вечера головной эшелон журналистов страны связался с собственными корреспондентами, дежурившими возле

дома Анны Лу. Это был результат деятельности Стеллы Хонер, но не только ее.

Когда во время ужина по телеканалам прошло известие, что на заборчике возле дома Кастнеров чьи-то заботливые руки расставили символы солидарности, многие решили последовать их примеру. Так началось спонтанное паломничество жителей Авешота и окрестных деревень. Некоторые приезжали издалека, даже из больших городов, чтобы принять участие в этой демонстрации поддержки.

Мать Анны Лу в печальном обращении обещала девочке, что, когда та вернется домой, подарит ей котенка, о котором та столько мечтала. Фогель возлагал надежды именно на эту фразу, и теперь целая выставка котят всех сортов – плюшевых, шелковых, глиняных – венчала городок, заполнив собой всю окружную стену и часть прилегающей улицы. А свечи и лампочки между кошачьими фигурками отбрасывали розоватые отблески, и в холодном вечернем воздухе разливался теплый свет. Многие подношения были снабжены записками. Кто обращался к самой Анне Лу, кто к ее родителям, кто просто оставил молитву.

Кишение народа в городке стало постоянным. Мэр был вынужден перегородить прилегающие к дому Кастнеров улицы, чтобы предотвратить скопление автомобилей. Но, несмотря на это, квартал находился в осаде. Хотя, в общем-то, все проходило довольно спокойно. Паломники подходили к дому, застывали там на несколько минут и потом молча уходили.

Фогель отправил своих людей, чтобы они потолклись в толпе. Все они были в штатском, у всех имелись хорошо замаскированные наушники и микрофоны, спрятанные в воротниках курток. Зная журналистов с их преступным обыкновением прослушивать разговоры полицейских, спецгент велел привезти хитроумные радиопередатчики, перехватить которые было невозможно.

– Не забывайте, что нас интересуют подозреваемые мужского пола. В особенности те, кто живет один, – сказал по радио агент Борги.

Стоя рядом с ним, Фогель внимательно контролировал все пространство впереди. В толпе они намеренно держались с краю.

Засада длилась уже часа два.

Они считали само собой разумеющимся, что похититель мужчина, потому что в учебниках говорилось, что случаи похищения подростков женщинами крайне редки. И об этом свидетельствовала не только статистика, но и здравый смысл.

Можно было даже предположить, что это был за тип. Вопреки тому, что обычно думали о похитителях люди, они никогда не оказывались ни уличной шпаной, ни одинокими отщепенцами. Как правило, это были люди вполне обычные, со средним образованием, способные легко входить в контакт и маскировать свое поведение, чтобы остаться незамеченными. Свою истинную природу они держали в тайне и ревностно эту тайну охраняли.

В наушниках раздался голос одного из полицейских:

– На моем участке все спокойно. Прием.

Всем было вменено в обязанность выходить на связь каждые десять минут.

Фогель почувствовал, что пора разрядить напряжение, и решил немного порассуждать:

– Если похититель объявится нынче вечером, значит он предвидел, что мы будем здесь, но ему очень хочется спокойно пройти среди тех, кто на него охотится. И это будет надежный способ его вычислить. Не забывайте, что он придет полюбоваться спектаклем. Если нам повезет, ему этого будет мало и он захочет взять что-нибудь на память.

Он рекомендовал сосредоточиться не на тех, кто оставляет подношения, а на тех, кто украдкой пытается что-нибудь унести с собой.

В этот момент Фогель и Борги заметили в толпе какое-то странное движение. Было такое впечатление, что кто-то отдал молчаливую команду и все разом повернулись в одну сторону. Оба полицейских

тоже обернулись и увидели, что всеобщее внимание привлекло появление родителей Анны Лу на пороге дома.

Муж обнимал жену за плечи. Возле них полукругом, словно формируя защитный экран, встали члены братства. На всех были маленькие аметистовые крестики. Телекамеры сразу, как по команде, повернулись ко входу в дом.

Хотя Мария Кастнер много всего перенесла за последнее время, но снова заговорила именно она. Обращаясь к собравшейся толпе, она сказала:

– Мы с мужем хотим поблагодарить вас. В нашей жизни настал трудный момент, но ваше чувство и ваша вера в Господа – большая поддержка для нас. – Она указала рукой на выставку котят и свечек. – Анна Лу была бы счастлива увидеть все это.

Стоящее полукругом братство единым духом произнесло:

– Аминь!

Толпа заплодировала.

Все казались взволнованными, однако Фогель в сочувствие не особенно верил. Более того, он был уверен, что многих сюда привлекли репортажи СМИ и обыкновенное любопытство. Где же вы были, когда в день Рождества семья действительно нуждалась в поддержке?

Борги думал о том же самом. Правда, не столь цинично, как Фогель, но и он не мог не признать, сколько всего изменилось за эти несколько дней. В тот день, когда они явились с визитом к Кастнерам, на улице не было никого, кроме фургона «шакалов». Полицейский помнил, как аплодисменты Фогеля звонко разнеслись в морозном воздухе по маленькому кварталу. Тогда он не понял смысла поступка шефа, как не понял, почему, садясь в машину, Фогель попросил его понаблюдать за Бруно Кастнером: «Этот человек просто умирает от желания нам что-то рассказать».

Пока родители Анны Лу здоровались с некоторыми из присутствующих под неусыпным наблюдением членов братства, в наушниках вдруг раздался голос:

– Справа от вас, агент Фогель, в конце улицы, какой-то парень в черном плюшевом капюшоне только что что-то взял.

Фогель и Борги одновременно повернулись в ту сторону, куда указал полицейский, и вгляделись в толпу.

Они увидели парнишку в джинсовой куртке и в черном плюшевом капюшоне, надвинутом на глаза, чтобы спрятать лицо. Наверное, он воспользовался моментом, когда все отвлекутся, чтобы стащить то, что теперь прятал под курткой, почти бегом уходя от толпы.

– Он взял розового плюшевого котенка, я точно видел, – уверял полицейский.

Борги сделал знак другому полицейскому, который был ближе всех к парню, и тот, вытащив из куртки мобильник, сделал несколько снимков.

– Дело сделано, – сообщил тот по рации. – У меня есть его лицо. Я его задержу.

– Не надо, – решительно остановил его Фогель. – Я не хочу, чтобы он что-нибудь заподозрил.

Мальчишка между тем вскочил на скейт и преспокойно уехал.

Борги не был уверен, что шеф принял правильное решение:

– Почему бы за ним хотя бы не проследить?

Фогель ответил, не теряя подозреваемого из виду:

– Подумай, что начнется, если кто-нибудь из прессы заметит эту сцену.

Он был прав, Борги об этом не подумал.

Фогель обернулся и успокоил его:

– Куда денется мальчишка на скейте? У нас есть его физиономия, и мы его найдем.

30 декабря

Семь дней после исчезновения

Придорожный ресторанчик был переполнен.

Над окном, которое выходило на бензоколонку, все еще виднелась надпись: «Счастливого праздника!» Хозяин, как челнок, курсировал между кухней и столиками, проверяя, все ли хорошо обслужены и довольны. Чтобы справиться с лавиной неожиданно нахлынувших клиентов, ему пришлось нанять еще персонал. Здесь толклись журналисты, телевизионные техники, фоторепортеры и простые люди, приехавшие в Авешот, чтобы своими глазами увидеть место, где разворачивалась история, которой сопереживала вся страна.

Фогель назвал их хоррор-туристами.

Многие отправились в дальнюю дорогу всей семьей. Повсюду сновали дети, и в зале царила приподнятая атмосфера загородной прогулки. Под конец дня все увозили домой фотографии на память и впечатление, что они приняли участие, хоть и весьма косвенно, в медийном проекте, который потряс миллионы людей. И им было, в сущности, безразлично, что в сотне метров от них полицейские со служебными собаками и ныряльщики, не говоря уже о научных полицейских подразделениях, трудятся, чтобы найти хоть малейший след, хоть малейшее указание, способное пролить свет на судьбу пропавшей девочки. Все оказалось так, как и предвидел Фогель: шум, поднятый СМИ, убедил начальство махнуть рукой на урезанный бюджет и выделить ему те средства, в которых он нуждался. Было сделано все, чтобы не ударить в грязь лицом в глазах общества.

Спецагент сидел за тем же столиком, который занимал в день Рождества, когда он был единственным посетителем ресторана. Как обычно, он ел и одновременно делал пометки в черной записной книжке серебряной ручкой. Пометки он вносил со всем тщанием.

Теперь на нем был серо-зеленый твидовый костюм с темным галстуком. Такая элегантность шла вразрез с одеждой прочих клиентов. Но так и было задумано. Ему сейчас нужно было подчеркнуть разницу между собой и тем шумным и разношерстным людом, что толкся вокруг. Чем больше он наблюдал за посетителями, тем больше удостоверился, что выглядит весьма значительно.

Все уже позабыли об Анне Лу.

Безмолвная героиня истории отошла на задний план. Зато ее молчание послужило поводом для болтовни остальных. Все хотели что-нибудь сказать о ней, о ее короткой жизни. Высказывались и СМИ, и простые люди – на улице, в супермаркете, в барах. Высказывались без всякого стеснения. Фогель и это тоже предвидел. В определенный момент срабатывал некий странный механизм, и реальные события превращались в сериал.

Преступления совершаются примерно каждые семь секунд.

Однако лишь мизерной их части посвящают газетные статьи, выпуски телевизионных новостей и бесконечные ток-шоу с продолжением. И к этой ничтожной части подключат экспертов-криминалистов и психиатров, ради нее побеспокоят психологов и даже философов. Будут изведены реки чернил, забиты многие часы телеэфира. И все это растянется на недели, если не на месяцы. А повезет – то и на годы.

Но главное, о чем никто не говорит, – так это то, что преступление может породить настоящих невежд.

Хорошо пересказанное преступление давало блестящие результаты, выражаясь языком широкой публики, и приносило транслирующим компаниям миллионы от спонсоров и рекламодателей. Затраты минимальны: корреспондент, телекамера и оператор.

Если же какое-либо громкое преступление – убийство или необъяснимое исчезновение – происходило в малонаселенном «медвежьем углу», то за месяцы репортажей СМИ в этих местах

растет количество посетителей, а следовательно, они начинают богатеть.

Никто не может сказать, почему тема преступления оказалась вдруг более привлекательной, чем любые другие. Но все согласны, что что-то в этом есть.

Фогель обладал чрезвычайно развитой интуицией, у него на такие случаи был просто нюх, благодаря которому он и прославился.

Только *дело Мучителя* не принесло ему известности.

Полученного урока ему не забыть. Однако, учитывая, какой резонанс получило дело об исчезновении Анны Лу, ему наконец представился случай отыгаться.

Но стало очевидно, что все пойдет вовсе не по тому сценарию, что сложился у него в голове. За последующие дни паломничества к дому Кастнеров произошло несколько печальных эпизодов.

Жители Авешота поначалу восторженно отнеслись к паломникам, а потом начали вдруг отгораживаться от них. Выражаясь языком операторов, произошла «естественная засветка»^[2]. Журналисты норовили влезть в личную жизнь каждого. А поскольку пока никаких ответов на вопросы расследования никто не получил, то люди заподозрили, что эти ответы кроются среди них, в их домах.

Пока о прямом обвинении речи не было, но все шло к тому.

В Авешоте вообще с подозрением относились к чужакам, а уж то, что ты стал объектом скрытой деятельности, которая тебя же может и обесчестить, вызвало уже прямое недоверие. В особенности у членов братства. И они все разом прекратили общение с журналистами.

Вначале горожане стали прятаться от объективов телекамер, потом грубо, иногда просто сердито начали отвечать на вопросы репортеров. В такой накаленной атмосфере, чреватой взрывом, было неизбежно, что кому-то придется поплатиться.

Поплатился какой-то молодой парень, приехавший в городок на заработки. Его единственной виной, вернее, легкомыслием было заговорить с местной девушкой, просто ее о чем-то спросить. К

несчастьем для него, это увидели посетителя бара. Ему стали угрожать, а потом перешли к действиям и изрядно намяли бока.

После обеда Фогель, воспользовавшись хорошей погодой и зимним солнышком, направился в школьный спортзал пешком и заметил, что на площади перед школой его ожидает прокурор Майер.

Судя по ее виду, визит не сулил ничего хорошего.

Она решительно пошла ему навстречу, громко стуча по асфальту каблуками, и бросила ему обвинение:

– Нельзя было приезжать сюда с тем, чтобы посеять подозрение в головах этих людей, и при этом полагать, что ничего особенного не случится.

– Они все сделали без меня, сами, – возразил Фогель.

Когда он появился в долине, то оказался перед сообществом людей скорее смущенных, чем испуганных. Здесь, среди гор, они были уверены, что зло мира их не коснется. Они не привыкли жить в условиях неопределенности. И теперь они все еще были убеждены, что зло пришло к ним извне. Однако где-то в глубине сознания у них зародилось подозрение, что зло всегда гнездилось в них самих, таилось в тишине, как болезнь. Фогель знал, что вот это больше всего и наводит на них ужас.

– Случилось то, чего я больше всего боялась, – сказала Майер. – Вы таки устроили спектакль.

– Вам известен хоть один случай побега подростка из дома, когда об этом не узнали бы все через несколько дней?

Вопрос спецагента прозвучал как вызов.

– Вы прекрасно знаете, что мы должны исключить эту вероятность и сосредоточиться на другом. Здесь речь идет не о сбежавшей из дома девочке, это вы понимаете?

Фогель категорически потребовал, чтобы Майер ничего не сообщала о мальчишке со скейтом, которого заметили несколько дней назад возле дома Кастнеров.

– Даже если согласиться, что за всем происшедшим стоит некто ответственный за преступление, это не дает вам права вовлекать в расследование население Авешота, внедрив сюда съемочную группу и фотографов. А их привлекли именно вы, не отрицайте.

У Фогеля не было желания выслушивать эти претензии. День выдался хороший, а прогулка от ресторана до спортзала зарядила его новой энергией. Он повернулся к прокурору спиной и пошел прочь, потом, словно передумав, остановился и сказал:

– Ни одного крика.

Удивленная Майер воззрилась на него, ничего не понимая.

– Анна Лу даже не вскрикнула, когда ее похищали. Ели бы она закричала, ее услышали бы соседи. Мне достаточно было похлопать в ладоши, чтобы привлечь внимание. Несколько хлопков – и все высунулись в окна.

– То есть вы настаиваете, что девочка последовала за кем-то добровольно?

Фогель помолчал, позволяя этой мысли самостоятельно проникнуть в голову прокурора.

– Она кому-то доверилась и видела этого «кого-то» в лицо, – сказала Майер. – И если она видела его лицо...

Фогель закончил фразу:

– Если она видела его лицо, то Анна Лу уже мертва.

Потом выдержал долгую паузу.

Выражение лица прокурора стало меняться. Гнев сменился растерянностью и ужасом.

– Мы можем дожидаться событий, а можем их предотвратить, – заключил Фогель. – Вы что предпочитаете?

На этот раз спецгент ушел уже всерьез. Майер несколько мгновений постояла в неподвижности, потом чье-то покашливание заставило ее обернуться.

За углом здания стояла Стелла Хонер. Она, притаившись, курила сигарету и все видела и слышала.

– Если публика узнает о моих грешках – мне конец, – сообщила она шутливым тоном, бросила окурок на землю и затоптала его кончиком туфли. – Женщине вообще трудно пробиться, не находите?

И вдруг посерьезнела:

– Он, конечно, говнюк, но свое дело знает... Такие случаи редко попадают в карьере женщины-прокурора.

Майер молча проследила за ней глазами, когда Стелла прошла мимо нее, но ничего не сказала.

В спортзале, переоборудованном в оперативный пункт, все бурлило. Количество полицейских выросло раз в пять. На месте ученических парт теперь стояли настоящие столы с компьютерами и телефонами, которые непрерывно звонили. Старую школьную доску заменили на широкий белый экран видеопроектора. Большой стенд заполнили отчеты, фотографии и результаты научных экспертиз. В середине зала появился макет долины, на котором раз за разом отмечали зоны, прочесанные поисковыми отрядами, которые работали круглосуточно благодаря специальной аппаратуре ночного видения.

– Синьор, ребята из альпийского подкрепления только что закончили обследовать ущелья на севере долины, – докладывал офицер в штатском агенту Борги, который отвечал за поисковые мероприятия.

– Хорошо, теперь пусть отправляются на восток, – скомандовал молодой полицейский.

Потом обернулся к агенту, который сидел за столом и принимал многочисленные звонки:

– Что там с вертолетом, который мы запрашивали?

– Говорят, будет здесь к полудню, – отозвался тот, на минуту оторвавшись от трубки.

– Они и вчера так говорили. Звони им непрерывно и не слезай с них, пока не скажут точное время прибытия.

– Есть, синьор.

Вертолет был очень нужен, и Фогель его уже давно запросил. Он обеспечивал куда более впечатляющую мизансцену, чем вид своры гончих, рвущихся в погоню. К тому же его было бы видно с любой точки долины. Телеоператоры весь день сходили бы с ума, гонясь за ним. Теперь Борги полностью принял стратегию спецагента. Однако, отмечая на макете прочесанные поисковиками участки, он признавался себе, что вся стратегия и все усилия пока были впустую. Кроме парня со скейтом, у них не было ни одной конкретной зацепки. Как не было и никаких следов Анны Лу Кастнер.

Агент подошел уже к макету, но остановился. Он что-то увидел. Подозвав одного из проходивших мимо людей, он указал на дверь пожарного выхода:

– И давно он здесь?

Полицейский обернулся и тоже заметил Бруно Кастнера, который стоял возле стены и держал в руках что-то вроде письма. Он потерянно и робко оглядывался по сторонам, словно ждал, чтобы его кто-нибудь заметил.

– Не знаю, – ответил полицейский. – Может, уже час.

Борги не стал больше разговаривать и шагнул к Бруно:

– Здравствуйте, синьор Кастнер.

Тот вместо приветствия кивнул.

– Могу я что-то сделать для вас?

Высокий и массивный Бруно казался совсем растерянным. Он не мог найти слов. Борги решил ему помочь – подошел и положил ему руку на плечо, чтобы успокоить:

– Что-нибудь случилось?

– Дело в том... Я хотел бы поговорить с агентом Фогелем, если можно.

Борги почувствовал, что эта просьба неспроста. Она напоминала мольбу о помощи. У него в голове снова прозвучали слова Фогеля: «Этот человек просто умирает от желания нам что-то рассказать».

– Конечно можно, – сказал он. – Пойдемте, я вас провожу.

В раздевалке, где ему оборудовали кабинет, Фогель сидел, положив ноги на край стола, и внимательно изучал какие-то бумаги. По губам его время от времени пробегала улыбка.

Документы не были отчетами полицейских, это были данные от телевизионщиков.

Каждый день ему высылали рапорт о рейтинге популярности ток-шоу и тех каналов, которые следили за делом Анны Лу Кастнер, а также отчет о том, что происходит в Интернете. Они выиграли по двум позициям. «Ладно, – сказал он себе, – известия об исчезновении все еще в числе самых популярных. К тому же это дело пока в списке „трендовых топов“ в социальных сетях и его широко комментируют во всех блогах».

Позиции принадлежали им, и публика пока не устала от новостей. Но Фогель знал, что, если не удастся в ближайшее время бросить СМИ другую кость, внимание ослабеет и переключится на более смачные новости хроники.

Публика – зверь свирепый. И всегда голодный.

Услышав, что в дверь раздевалки постучали, Фогель снял ноги со стола и убрал документы в ящик.

– Войдите! – сказал он и увидел на пороге агента Борги.

– Пришел отец девочки. У вас найдется минута?

Фогель жестом попросил пригласить посетителя. Вскоре Бруно Кастнер вошел в комнату вместе с Борги, по-прежнему сжимая в руках какой-то конверт.

– Прошу вас, синьор Кастнер, – приветствовал Фогель, поднимаясь ему навстречу.

Он усадил Бруно на скамью перед шкафчиками для одежды и сам устроился рядом. Борги остался стоять у двери, скрестив руки на груди.

– Мне не хочется вас беспокоить, – начал Кастнер.

– О, вы меня ничуть не побеспокоили.

– В тот вечер, когда она исчезла, меня не было дома, я был далеко, у заказчика. И я не перестаю думать, что, будь я тогда дома,

всего этого можно было бы избежать. Когда жена позвонила мне, что Анна Лу не вернулась домой, я какой-то частью своего существа все понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

ДЕВУШКА В ТУМАНЕ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ! Новая книга от автора остросюжетного романа «**Потерянные девушки Рима**».

В октябре
2017 года
в международный
прокат
вышел фильм
«**ДЕВУШКА
В ТУМАНЕ**»

В главных ролях — **Жан Рено, Тони Сервилло, Алессіо Бони, Грета Скакки** и другие.
Режиссерское кресло занимает сам **Донатто Карризи**.

Сноски

1

В полиции Италии спецагент – старший следователь в группе. Рангом он выше простого полицейского, но ниже инспектора полиции, хотя в определенных условиях (а в романе условия именно таковы) имеет право выполнять функции инспектора. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

[Вернуться](#)

2

Естественной засветкой при съемке называют нарушение равновесия выдержки и диафрагмы, что делает снимок нестерпимо светлым.

[Вернуться](#)